

Александр ГОРБОВСКИЙ¹

Рюрикович. Детство Никиты²

«Дни, которые не описаны, словно бы и не прожиты».

Эжен Делакруа

Лобановы-Ростовские — русский княжеский род, происходящий от Рюрика, потомок которого в XIX колене, князь Иван Александрович Ростовский, по прозвищу Лобан, жил в конце XV века. Один из его сыновей, князь Иван Иванович Меньшой, убит под Оршею (1514). Князь Петр Семенович (ум. в 1595 г.) был окольничим и воеводою в Новгороде; князь Федор Михайлович был воеводою в Полоцке (1571), Астрахани, Тобольске и на Терках; князь Василий Михайлович Большой (ум. в 1606 г.) — один из защитников Пскова против Батыя, был воеводою в Ливнах и Астрахани; боярин князь Афанасий Васильевич...

Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главный недостаток многих биографических книг — льстивость. Это вызывает у читателей подсознательное недоверие к достоинствам «персоны грата» и сомнение в объективности изложенных фактов. Если исследуемая персона благополучно здравствует, то возникает подозрение в некоем интеллектуальном сговоре ее с автором текста. Мол, они договори-

¹ Александр Альфредович Горбовский родился 14.I.1930 г. в г. Киев, по окончании средней школы поступил в Москве в Институт востоковедения, специализируясь в областях индологии и лингвистики; по окончании Института занимался научно-исследовательской работой в Институте народов Азии, работал в Институте международного рабочего движения и в Институте информатики Академии наук СССР. Написал ряд научных работ на темы языковедения и новейшей истории. Автор целого ряда книг и журнальных публикаций. Хорошо известными и популярными книгами А.А. Горбовского, переведенными на многие языки являются: «Факты, догадки и гипотезы древнейшей истории», «Закрытые страницы истории», «Тайная власть — незримая сила», «Другие миры» и ряд других произведений научно-популярного и беллетристического характера. Много работал в жанре научной фантастики. В конце 1980-х годов переехал с семьей в Великобританию, где продолжал сотрудничать с различными изданиями в России и за границей. Умер в Лондоне 9.XII.2003 г.

² Книга опубликована посмертно в Москве в 2004 г.

лись: черное и грязное не называть; блестящее и белое — хвалить. Избегать лести очень трудно. Как грубые диссонансы улицы проникают сквозь окна консерватории и отравляют удовольствие от концерта, так при чтении лесть угадывается тонким вкусом внимательного читателя за тихим шуршанием страниц.

Если же биографическая книга разоблачает якобы теневые стороны личности и педалирует внимание на неблагоприятных поступках, то и это неприятно — не годится без суда и следствия публично обвинять человека. «Не судите, да не судимы будете!»

Казалось бы, выхода нет. И все же есть.

Автор данного повествования исходил из того, что героя книги — Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского — следует воспринимать, прежде всего, как характерное явление благотворного возвращения русского зарубежья в коренную Россию. Речь идет не о гениальности князя, не об исключительности его деятельности по возвращению на родину объектов культуры. Главное — это объективный и позитивный культурный процесс слияния двух русских культурных ареалов, ранее разделенных «железным занавесом». Практически этот процесс идет не столько на физическом уровне (посредством передачи объектов культуры, общения по телевидению, прессы, почты и т. п.), а преимущественно в духовной сфере через выдающиеся личности, одной из которых, несомненно, является Никита Дмитриевич.

Известны три волны русской эмиграции в XX в.: после революции 1917 г., по итогам 2-й Мировой войны и в ходе так называемого движения диссидентов в 1960–1970-х годах.

После разнообразных унижений изгнания, после нищеты изгоев, после преследований и интриг заграничных агентов ГПУ–НКВД–КГБ, после шельмования кремлевскими пропагандистами, после прямых оскорблений при редких визитах на большевистскую прародину видные персоны рус-

ского зарубежья не озлобились. Они с чистым сердцем несут России свои семейные реликвии, душевную щедрость, нелегкий опыт выживания на чужбине, бесценные навыки плодотворной деятельности в непривычной среде западной цивилизации.

Удивительно, но сегодня не так важно (даже совсем неважно), возвращается ли русский эмигрант физически в Россию на постоянное место жительства, или остается гражданином иной страны. И даже не существенно, есть ли в его багаже остатки неприязни, раздражения и даже неприятия отдельных явлений сегодняшней российской действительности. Это как в притче про стакан воды: наполовину стакан наполнен или наполовину пуст. Важно, что стакан русской культуры постепенно наполняется хорошей водой. При этом «тараканы в стакане» (выражение Достоевского) в общем-то привычны титулярным гражданам России. Главное — на наших глазах с середины 1980-х годов происходит культурное взаимодействие зарубежья и «предрубья». Взаимодействие, несомненно, положительное и устойчивое, которое обогащает не только русскую, но и мировую культуру в целом.

ЧУЖИЕ ЛЮДИ, ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ

Когда русская революция набирала уже свои обороты, а расстрелы ЧК и самосуды толпы стали обычным делом, сами жертвы их все никак не могли поверить в происходящее. Страшная машина террора с грохотом и лязганьем неумолимо надвигалась на них, они же пытались убедить себя, что все не так страшно и, вообще, обойдется. Аристократия, состоятельные классы продолжали верить в расхожий миф о богоизбранности и доброте своего народа, даже когда народ этот стоял уже по колено в крови. А может, Пушкина не читали с пророческой его фразой о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Во всяком случае, не сразу и не все уразумели, что единственное, что остается, это — спастись, бежать.

Сделать это удалось немногим, немногие успели выскочить буквально из-под колес несущегося на них локомотива.

Само собой, решение уехать не всем давалось легко. Труднее всего пойти на подобный шаг было тем, чьи имена, чей род, память семьи, навсегда были вписаны в прошлое этой страны, в ее историю. Человеку, чьи предки служили Петру Великому, интриговали при дворе государя Алексея Михайловича или значились в стольниках и воеводах в смутные времена нашествий, невозможно было представить себя без России, навсегда лишиться своих корней. Тем непостижимее и обидней было всем им вдруг осознать, что Россия, оказывается, совсем не нуждалась в них. Не нуждалась оскорбительно и бесповоротно.

Для многих русских сам исход этот из страны, которую они всегда считали своей, оказался, безусловно, трагичен. Кто успел, уходили морем через Севастополь и другие порты на пароходах под чужим флагом. Другие — добивались разрешения от властей или правдами и неправдами переходили границу. Третьи бежали через Финляндию.

Так бегут из горящего дома. Так бегут от чумы.

Княжеская семья Лобановых-Ростовских уходила на Запад через Румынию. Погрузив фамильный свой скарб на телегу, переодевшись в крестьянское платье, они добрались до реки, по которой проходила граница. Здесь их уже ждали, и шлюпка ночью доставила беглецов на румынский корабль.

Спасение? Свобода? Скорее, начало мытарств и начало бегства, которому не было видно конца.

Они были не нужны родине, России. Но и здесь, тем более, никто их не ждал и не был им рад.

Чужие люди, чужой язык, чужая земля.

Они убедились в этом, как только сошли на берег. В России, даже при большевиках, в их царстве террора, никому из них не случилось попасть в

тюрьму. И нужно было бежать сюда, в свободный мир, чтобы первое, с чем привелось познакомиться им, оказалась тюрьма. Княжескую семью в полном составе препроводили в камеру, за решетку. За незаконный въезд в страну. С последующей перспективой выдачи беглецов большевикам. (К тому времени между Румынией и Советской Россией такое соглашение было подписано.)

Капитан Константин Улик и Ольга Ивановна Лобанова-Ростовская (в замуж. Улик). Капитан Улик на военном корабле под его командованием привез нелегально семью Лобановых в Румынию. Бухарест, 1920 г.

Чем завершилось бы это, нетрудно понять. Если бы это произошло, повествование наше должно было бы прерваться на этой строке.

К счастью, этого не случилось. В отличие от других, кому, может, откупиться было попросту нечем, Лобановы-Ростовские уходили в из-

гнание не с пустыми руками. Само собой, речь шла не о «взятке». Как можно было подумать! Это ведь не Россия. Здесь это была «благодарность за оказанную услугу». Как никак Европа!

Из Румынии князь Иван с женою и с сыновьями перебрались в Болгарию. Почему не в Прагу, почему не в Париж, куда стремились тогда все? Сам князь Иван говорил, что остановил выбор свой на Софии потому, что там, в соборе Александра Невского по воскресеньям пел великолепный хор Софийской оперы. Такого не было нигде.

Некоторые считали, что ответ этот скорее вежливая манера отделаться от вопросов. Тем удивительней (для кого-то), если это, действительно было так. Система жизненных ценностей у каждого, как известно, своя. И другого часто трудно бывает понять.

Князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, дедушка Никиты. София, 1927 г.

Каково начинать новую жизнь на чужбине хорошо знают русские эмигранты последней волны. Предприимчивость и инициатива вознаграждаются. В разоренной войной Болгарии Лоба-

новы-Ростовские довольно быстро нашли способ вернуть себе хотя бы часть прежнего состояния. Завидную находчивость и инициативу неожиданно обнаружила вдруг княгиня. Через каких-то то ли случайных знакомых она узнала, что в глухом месте, у подножья заросшей лесом горы имеются забытые всеми обильные залежи каменного угля. Причем, оказалось, что хозяин земли не прочь уступить участок. Именно в этот момент он нуждался в деньгах. Для Лобановых это была удача! Княгиня сама убедилась в этом, когда приехала на место. Едва рабочие сняли лопатами тонкий слой верхней земли, как открылся чистый каменный уголь. Может, даже слишком чистый.

Но княжескому разумению было не до того. Упустить такой шанс было нельзя никак! Тем более, что на участок зарился другой покупатель — какой-то богатый грек.

Правда, сам князь Иван в удачу не очень верил. Но его можно было понять. После бегства, после всего, что пережили они, нелегко поверить, что счастье может вернуться.

Но в этом случае это было именно так. Сделку заключили быстро, хотя продавец попытался было зачем-то оттянуть. И только князь ходил с непонятным лицом, курил непрерывно и бормотал что-то о «бабьем уме».

Княгиня Вера Дмитриевна (ур. Калиновская) с мужем князем Иваном Николаевичем Лобановым-Ростовским — бабушка и дедушка Никиты
зарыли его и присыпали сверху землей.

Но даже ему не могло бы прийти на ум, что уголь кончится уже на второй день. Афера обставлена была весьма просто. Продавец нанял кого-то из местных, те привезли три телеги угля,

Княжеская семья оказалась разорена. На этот раз, казалось бы, окончательно.

Социальный статус, как представлялось им, сам собою от рождения по праву принадлежит им, предполагал, как и везде, соответственный образ жизни. Банковский же счет, который бы мог поддержать его, теперь был опустошен. Оставалось то, что в глазах их круга было последним прибежищем неудачников и простолюдинов — профессия, ремесло. Как только князь Дмитрий подрос, его отправили в Англию, учиться в школе Харроу³. В перспективе молодому князю, как и прочим смертным, предстояло изо дня в день ходить куда-то на службу, чтобы заработать себе на хлеб.

Возвращался из Англии он через Париж. А мог бы и через Берлин, как собирался сначала. Или через Прагу, где было много старых знакомых его отца. Но, как иногда это бывает, в последнюю минуту буквально какой-то пустяк помешал ему. Неизвестно, с кем судьба свела бы его в Праге или в Берлине, но в Париже он встретил Ирину Васильевну Вырубову, она и стала его женой. В 1935 г. в Софии родился у них сын, князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский.

³ Школа в Харроу — одна из трех английских элитных школ, элитных по составу учащихся, две другие — Винчестер и Итон.

Софийский собор Александра Невского, 1939 г.

Софийский Народный театр, в котором шли представления Софийской оперы, 1939 г.

Стране, где он родился, какое-то время, удавалось держаться в стороне от кровавой драмы, что в очередной раз развертывалась на европейских полях. Во многом удавалось это благодаря царю Борису, который умело лавировал и избегал конфронтации в смертельном противостоянии великих держав. Но вечно продолжаться так не могло.

Гитлер настаивал, чтобы Болгария приняла участие в войне. Само собой, на стороне Германии.

Царь Борис такого согласия дать не мог — именно русские освободили болгар от пятивекового турецкого ига. И в Болгарии помнили это.

— Я очень хорошо помню, — вспоминает Н.Д. Лобанов Ростовский, — как в августе 1943 г. по радио объявили о смерти царя Бориса. Колокола софийских соборов скорбно звонили о его кончине. А мой дед встал и перекрестился.

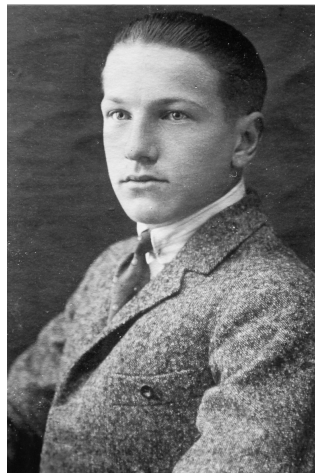
Для моего детского сознания событие это было очень сильным эмоциональным потрясением.

Другое мое воспоминание, — продолжает он, — связано с переездом. С началом войны жизнь наша резко переменилась. 30.III.1944 г., ночью, Софию разбомбили. Город горел. Те вещи, которые можно было еще со-

брать в нашей квартире, мы сложили на кровать. Мой отец тянул нашу нагруженную вещами кровать целых 5 километров в Павлово, предместье Софии, где у наших знакомых армян был склад. Глава семейства, Мурадян, торговал табаком. Мы поселились в одной из складских комнат, вытаскивая оттуда тюки с табаком. Так мы и прожили до конца войны — на складе.

Княгиня Ирина Васильевна Лобанова-Ростовская. София, 1939 г.

Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский, отец Никиты. София, 1935 г.

В сентябре 1944 г. Советская Армия, преследуя немцев, приблизились к границам Болгарии.

Прихода русских в Болгарии многие ожидали с надеждой. Надежды эти разделяли даже русские эмигранты.

Князь Иван с волнением смотрел на русских солдат и молодых офицеров в форме с

полевыми погонами, которые он помнил по дням русско-германской войны. Россия далеких молодых его лет вернулась, пришла к ним сюда, на чужбину.

Так чувствовал не он один. Правда, чувства эти были двояки. С одной стороны, это были, действительно, соотечественники по крови. С другой же, это все-таки были советские — те самые, от кого они спасались когда-то. Или их сыновья, что было никак не лучше.

Но, если и были иллюзии и надежды, то первые же недели русских в Софии развеяли их. Почти сразу же начались аресты. Потом прекратились, так же неожиданно и необъяснимо, как начались. Некоторые подумали — пронесло. Они ошибались: просто тюрьмы были уже забиты, для новых арестованных в них не было места. Пенитенциарная система заурядной буржуазной страны не была готова принять такое число заключенных.

В городах стали срочно перестраивать под тюрьмы большие дома, особенно стоявшие на отшибе. В квартирах разбирали перегородки и возводили новые, разбивая их на камеры, готовые принять новых жильцов. Жители соседствующих улиц или домов знали об этом строительстве, но, когда решались говорить об этом между собой, всегда понижали голос.

Стройки велись «по-советски», в сжатые сроки. Как только новые тюрьмы вступили в строй, машина истребления возобновила свои обороты. При этом, действовала она избирательно. Почему арестовывали одних из числа «бывших русских», а других не трогали понять было нельзя. Правда, остававшиеся на свободе пытались найти какую-то утешительную закономерность. И, как правило, находили: кого-то арестовали, мол, потому, что когда-то он был у Краснова, а такого-то за то, что был в Русском корпусе в Югославии. Поскольку же я, ни то, ни другое, то меня — говорил себе человек — не тронут. И жил себе спокойно. Пока за ним не приходили. Но самое странное было то, что иногда, и правда, не трогали.

Другая закономерность, кажущаяся или действительная, было время года. Были «майские аресты» и другая волна — осенью. Почему, ни понять, ни объяснить было невозможно.

Самый надежный выход — считали многие — было просить о советском гражданстве. Тем более, когда вышел Указ Президиума Верховного Совета от 14.VI.1946 г., который давал право на это русским, оказавшимся к эмиграции. Верить в лучшее — человеку присуще всегда. Эмигранты были готовы верить. Они не только верили, но и искренне убеждали друг друга, что если принять гражданство, то тогда все старые счета — кем ты был до победы красных, почему бежал от них — все это советская власть великодушно предаст забвению. Раз ты советский, то значит — свой. Как оказывалось потом, некоторых не спасало и это.

Лобановых-Ростовских тоже не обошел этот смертельный соблазн. Но принимать «серпастый и молоткастый» они не торопились. Да и не собирались.

Князь Дмитрий Иванович с супругой Ириной Васильевной и сыном Никитой. София, 1939 г.

Княгиня Ирина Васильевна с Никитой. София, 1939 г.

Вера Улик, Никита, Таня Галахова (гувернантка Никиты) и Ольга Улик (мать Веры) во время визита Уликов в Софию, 1939 г.

Никита Лобанов-Ростовский с матерью. Докторский сад с видом на улицу Велико Тырново. София, 1938 г.

Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский продолжал работать бухгалтером на текстильной фабрике, которая принадлежала итальянцам. Фабрика называлась многообещающе — «Фортуна». Такой она, наверное, и была многие годы для тех, кто работал на ней. В том числе, для самого Лобанова и его семьи.

Теперь же и этому, видно, пришел конец. В счет репараций фабрика переходила к русским. Ее должны были вот-вот демонтировать и отправить в Советский Союз.

ПОБЕГ

В походы всей семьей ходили они и раньше. В горы, в леса. Иногда, особенно летом, на два-три дня. Ночевали там же, где-нибудь на склоне горы, в спальных мешках. Последний раз они ходили так на день рождения Никиты, когда ему исполнилось одиннадцать лет.

Но с этим походом с самого начала что-то было не так. Обычно о том, что они куда-то идут, известно было за много дней. Заранее и подробно обсуждали маршрут, как одеться, что с собой брать.

На этот раз все почему-то было не так. Поздно вечером, когда уже отходили ко сну, отец вдруг сказал Никите, что завтра они отправляются на прогулку, на экскурсию. Посмотреть, как живет зимний лес. Поэтому встать нужно будет рано.

И из дома тоже вышли они не так, как было это раньше, когда отправлялись они на экскурсию или в поход. Без рюкзаков, без провизии и спальных мешков. Почему-то с пустыми руками, совсем налегке.

Все было не как всегда.

Особенно остро почувствовал это Никита, когда к перрону стал подходить поезд, в который им предстояло сесть. Ему показалось вдруг, что поезд был какой-то *другой* и платформа тоже чем-то была *другая*. Это было, как бывает во сне, не наяву. Чувство нереальности захлестнуло его.

Правда, когда входили в вагон, в руках у родителей было уже по саквояжу. И то, что саквояжи эти в камере хранения заранее дожидались их — такого тоже не было никогда. Даже билеты в кассе сегодня они не брали, отец взял их заранее, за несколько дней. Почему?

И еще. Когда сидели они в вагоне и мать стала смотреть в окно, отец незаметно сделал ей какой-то знак и она сразу же отодвинулась от окна. Почему?

Но спросить он не мог. Рядом сидели другие люди и говорить об этом при посторонних было нельзя. Так, во всяком случае, сегодня почему-то чувствовал он.

С места, где он сидел, видны были последние пассажиры, спешившие по перрону. Вот-вот должны были дать третий звонок. И среди этой суеты — было несколько человек, которые никуда не спешили. Они просто прохаживались вдоль поезда взад-вперед. А один стоял у самого входа и все время курил. «Бездельники, — подумал он, — не знают чем бы занять себя».

Когда поезд тронулся и пошел, набирая ход, ощущение нереальности отступило. Все стало, вроде бы, как всегда. Поезд шел быстро, раскачиваясь на ходу. За окном проплывали станции, полустанки, какие-то деревни, поля. Все стало, как всегда.

Скоро ему надоело разглядывать пассажиров и смотреть в окно, надоело даже читать какую-то книжку, что оказалась с ним. Он не заметил сам, как заснул. А когда проснулся, поезд стоял на каком-то очередном полустанке и отец доставал с полки их саквояжи. Никита понял, что они подъезжают.

На следующей станции, которая была конечной, они сошли. Город Авсеновград был последним пунктом, куда можно было попасть без пропуска в пограничную зону. Народу сошло немного, и дежурный с флаж-

ком, что стоял на перроне, как-то уж очень внимательно посмотрел на них. А может, Никите показалось так.

И автобуса на привокзальной площади им тоже почти не пришлось ждать, что было по тем временам удачей. И опять перелески, поля, деревни. Дорога была в ухабах. Временами автобус клонился то влево, то вправо и тогда все тоже валились вбок. Пассажиры, видно, были все местные, знали друг друга и разглядывали их, чужаков, пытаясь, наверное, угадать, к кому они едут и зачем.

На каком-то повороте они сошли и, когда автобус стал отъезжать, из задних окон, обернувшись, кто-то все время смотрел на них, пока автобус не скрылся среди деревьев.

Только тут Никита заметил, что на обочине они не одни. Какой-то человек здесь, в этом безлюдном месте, видно, ожидал их. Он был высокого роста и армейский полушубок, рыжий и длинный, делал, казалось, его еще выше.

Он сразу подошел к отцу, и они вполголоса стали говорить о чем-то. Незнакомец несколько раз показывал на часы и разводил руками.

Через минуту все они шагали уже по пустынной лесной дороге. Незнакомец шел впереди. К вечеру слегка подморозило, и снег под ногами скрипел. На обочине, возле какой-то елки остановились и вынули из саквояжей приготовленные заранее рюкзаки.

Саквояжи почему-то решили оставить, закопали там же под елкой. А ветками разровняли снег.

И тогда мать произнесла странную фразу, обращаясь к отцу: «Ты бы поговорил с Никитой. Он должен понимать, что к чему».

Они уже снова шли. Отец сбивчиво и второпях стал говорить ему, что, наверное, им предстоит долгий путь. Им, может, придется идти дня три. Все время по лесу.

— А назад тоже пешком? Обратно хорошо б на машине!

По тому, как отец поморщился и пожал плечами, он понял, что сказал что-то не то.

— Мы не собираемся возвращаться, — вмешалась, наконец, мать.

— Понимаешь, Никита, мы идем в Грецию. А оттуда уедем в Париж, к твоему дедушке, Василию Васильевичу Вырубову. Ты знаешь о нем и видел его фотографию.

Ирина Васильевна и Василий Васильевич Вырубов, Рильский монастырь, 1936 г.

Вечер еще не наступил, но короткий зимний день явно клонился к концу. Заснеженная лесная дорога, по которой они продолжали идти, была совершенно пуста. Не было ни пешеходов, ни машин, ни телег.

Никита не помнил, а может быть, не заметил, как они свернули с дороги и по едва заметной тропике, по снегу пошли напрямик через лес. С этого собственно и начался долгий их путь куда-то «туда», в тот далекий и прекрасный мир, который взрослые обозначали этим словом — «Париж».

О том, что Париж — столица Франции, Никита знал давно. Но, когда слово это последнее время как-то очень уж часто стало звучать у них дома, он раздобыл в книжном шкафу альбом фотографий и у себя в комнате долго рассматривал их. Сейчас, шагая по узкой снежной тропинке след в след за отцом, он старался вызвать в памяти эти скверы, площади, улицы города, куда теперь ему предстояло попасть.

Но сначала будет Греция. Школьная память подсказывала картинки из учебника по античной истории, а воображение дополняло их почему-то только одним — солнцем и синим небом. Почему-то казалось, что там, на некоей черте, обозначенной таким грозным и бесповоротным словом «гра-

ница» — кончается здешнее хмурое зимнее небо, и начинается все совершенно другое. Правда, до этого другого им нужно было еще добраться.

Они продолжали идти, когда смеркалось и долго шли еще потом, когда стало уже совершенно темно. Глаза быстро привыкли. Стволы деревьев и силуэты елок были четко видны на фоне снега.

По каким-то деталям Никита понял, что здесь, в лесу, главным был не его отец, а этот человек в длинном армейском тулупе. В какой-то момент именно он остановился первым и объявил:

— Ночевать будем здесь.

Никита подумал, что ему послышалось. Или он, может, не так понял. Тут не было ни комнаты, ни кровати. Вокруг стояли только деревья. И был только снег. И еще мороз, который к ночи стал только сильнее.

Быстрым движением спутник их сбросил на снег свой заплечный мешок. В руке его металлическим блеском сверкнул в темноте небольшой походный топор. С ближайшей елки он принялся привычно и быстро рубить ветки, а отец подхватывал их и раскладывал на снегу. Никита уже догадался, зачем делают они это. Слой этих веток поверх снега, будет здесь как бы их кроватью.

Только теперь, повалившись на них, Никита понял, как он смертельно устал. Он почувствовал, что проваливается куда-то и засыпает. И только голос отца: «Тебе нужно поесть, чтобы завтра иметь силы» — заставил его подняться. Он не должен будет оказаться слабее других. Слабее взрослых. И не должен будет их подвести.

Весь следующий день они продолжали идти какими-то перелесками, мимо огромных тяжелых елей, избегая открытых пространств и дорог. Один раз где-то сбоку послышались вдруг голоса. И тогда, по взмаху руки Данчо, так звали проводника, они замерли на полушаге и какое-то время стояли так. Даже, когда голоса окончательно удалились, смолкнув где-то вдали, какое-то время они продолжали стоять так, пока он не подал знак.

Короткий привал, костер, торопливый обед и опять в путь. Проводник торопил, говоря, что засветло им нужно успеть добраться куда-то, а главное перейти овраг. Двигались они так: Данчо шел впереди, за ним — отец, потом мать и последним — Никита. Шли шаг в шаг, каждый ступал в след другого. Сначала он думал, что делалось это затем, чтобы по глубокому снегу легче было идти. Он шел последним и ему было легче всех. Но дело было не только в этом. Если бы «кто-то», какие-то люди, и набрали на их след, они могли бы подумать, что здесь прошел только один человек. А эти «кто-то», как понял он, были им совсем не друзья и не могли желать им добра.

После полудня пошел снег, сначала мелкой порошей, потом все более крупными хлопьями. Видно было, что мать и отец были очень этому рады. И проводник, он тоже сказал, что это весьма кстати. Почему — было понятно всем. Снег совершенно скрывал их следы так что через какой-то час-другой никто не мог бы сказать, что здесь кто-то прошел.

Правда, из-за снега идти становилось труднее. Даже Никита чувствовал это. Он устал, видно, так, что старался вообще не прислушиваться к себе. В движениях его появился тот монотонный автоматизм, который создавал иллюзию, что так всегда было и будет тоже всегда. Был всегда этот снег, эти деревья, силуэт идущего впереди. И ничего другого не было, нет и не может быть никогда. И от этого продолжать идти было даже легче, потому что в бесконечной протяженности этой даже не было и места вопросу — когда кончится это или когда будет привал.

В конце дня идти стало еще труднее, местность стала холмистой, появились занесенные снегом овраги и крутые скаты. Когда первый раз они стали сходить по такому скату, лавина снега, лежавшая наверху, обрушилась вдруг на них так, что самого Никиту погребло с головой. Данчо и отец, как смогли, руками разгребли снег и вытащили его. Испугался ли он? Наверное, даже нет. Но не потому, что был он таким уж храбрым. Скорее

просто из-за того, что к тому времени все чувства и мысли так уже притупились, что все было все равно.

«Так вот и умирают, — успел он подумать только. — На войне, например». А может, и не подумал тогда ни о чем, а примыслилось это ему позднее.

Уже потом он узнал, что всю операцию эту продумал тщательно и готовил командир Мареско⁴, добрый приятель их семьи. Там, где встретил их Данчо, их должен был ожидать грузовик с дровами, который и доставил бы их к самой границе. Грузовик не пришел. Возможно, потому, что водителю деньги заплачены были вперед. Иными словами, поначалу планировалось, что все займет не больше одного дня. Теперь же единственное, что оставалось им, было идти. Идти и не останавливаться.

Командир Джеффри Мареско. София, 1945 г.

Когда потом он вспоминал, как они шли, эти три дня, все сливалось в какой-то один поток, где время и сами дни не различались между собой. Но на третий день, когда утром вставали они с еловых своих постелей, он знал уже, что это последний день. День, когда они, наконец, придут.

И другое, нечто новое почувствовал он. Невываживаемое напряжение, которое как бы висело в воздухе. Молчаливые и до того, взрослые теперь почти не говорили между собой вообще. Два-три коротких слова, кивок. И только тогда, в утреннем свете заметил он, как осунулась мать за эти дни и какое собранное, напряженное сегодня лицо у отца. В таком настроении, выстроившись все в том же порядке, начали они в то утро свой последний рывок. Сегодня Данчо Пеев чаще, чем раньше, взмахом руки подавал им

знак замереть. И они привычно уже застывали, как он, вслушиваясь тревожно в предательскую тишину.

Какое-то время спустя снова пошел снежок, но Данчо, прищурившись, взглянул несколько раз на небо и, покачал головой. И правда, к полудню снег идти перестал. И это было, как понял он, очень плохо. Но поделать с этим ничего было нельзя.

Они по-прежнему шли след в след, вытянувшись цепочкой. Но сегодня не казалось уже, будто этому никогда не будет конца. Они остановились между двух высоких елей, когда Данчо нервно сказал:

— Сейчас переходим.

Голос его прозвучал так странно, как если бы говорил не он, кто-то другой. Отец снял шапку и перекрестился. Остальные сделали то же.

— С Богом.

— Никита, — отец наклонился к нему. — Запомни: если что-то произойдет, если будут выстрелы или еще что, делай то же, что буду делать я. Или ложись в снег и не шевелись. Просто лежи. Ты понял?

Он смог только кивнуть.

Они прошли десяток шагов и перед ними открылась просека. Они не перешли ее, перебежали и по инерции какое-то время еще продолжали бежать. Это было легко, потому что теперь путь шел под уклон. А когда, запыхавшись, остановились, внезапно — как будто тогда только до них дошло:

— Мы в Греции!

Мать и отец обнялись молча. И обняли его. И лица у них были такие, каких Никита не видел до этого никогда.

И только Данчо переминался с ноги на ногу и тревожно поглядывал по сторонам.

⁴ *Джеффри Мареско* — командир Британского флота и представитель Великобрита-

— Не нравится это мне. Где провожатый? Он должен был ждать здесь.

— Именно здесь? — переспросил отец.

— У этого камня. — Данчо кивнул на большой, поросший мхом валун, что был на краю поляны. — Я должен с рук на руки передать вас ему. Так было в контракте.

— Может быть, опоздал?

Проводник усмехнулся криво.

— В таких делах не опаздывают, княже. Человек либо есть, либо его нет. Его же, как видите, нет. И это плохой знак. Очень плохой знак.

Раз уж такое произошло, — продолжал он, — он не может оставить их просто так, а проведет еще немного уже по греческой, чужой земле. Поведет к селению, что внизу за лесом. Дальше, в направлении Салоник, они должны будут добираться уже без него. Сами. Но он будет знать, что все, что мог, он для них сделал.

И только сейчас Никита заметил, что светит солнце. Оно появилось впервые за все эти дни. И это был добрый знак! Недаром ему казалось, что в Греции всегда должно быть солнце. И вот, они в Греции и на синем небе — солнце!

Они двигались вниз вдоль ручейка и теперь не было нужды ступать след в след. Никита шел привычно между матерью и отцом, как всегда ходили они в Софии. И лишь проводник по-прежнему шагал чуть впереди. Но ему, видно, и полагалось так. Время от времени он оглядывался, но смотрел не на них, а пытаясь увидеть что-то, что было за деревьями, позади них.

Деревья становились все реже, это был даже уже не лес, скорей перелесок. Так шли они долго, часа три, без отдыха и привала. И, странное де-

ло совсем не устали. Наверное, потому, что светило солнце. Когда же из-за косогора открылся им издали вид селения, Данчо остановился.

— Дальше я не пойду. Идите сами. Но зато теперь я уж точно могу сказать, что вас довел.

Отец пожал ему руку. Человек этот, с которыми случай ненадолго их свел, сделал легкий поклон остальным и пошел назад, поднимаясь в гору, навстречу какой-то своей, отличной от них, судьбе.

Им же лежал другой путь, они были в Греции. Казалось, здесь было даже намного теплей чем в лесу, через который пробирались они эти дни.

Зато в Софии о том, что они уже в Греции, как и о самом побеге старый князь ничего не знал. Чтобы его не травмировать, решено было, что он узнает только тогда, когда все будет позади. Тем более, как ожидалось вначале, все должно было занять не более одного дня. Сейчас же шел уже третий день. Князь Иван понятно, стал беспокоиться. Конечно, случись что, они сразу бы известили его. Ведь есть телеграф, и работает он исправно. Да и что могло бы с ними произойти?

К тому же, он знал своего сына — в незнакомом лесу, как и в жизни, он напролом никогда не пойдет. Он будет искать тропинку, где ходят все. Эта осмотрительность и осторожность не раз выручали его.

Когда заглянула няня Никиты, Елена Ивановна Иванюк, старый князь поведал ей о своей тревоге. Тем неожиданней было, когда вместо сетований и ответного беспокойства, она радостно осенила себя крестом:

— Слава Господу! Значит, они убежали. Наверное, они уже в Париже сейчас.

Князь Иван не успел еще сжиться с этой мыслью после ее ухода, как на пороге появился вдруг командир Мареско. Князь Иван никак не ожидал его. Тем более, что в нынешних обстоятельствах это могло обозначать, что угодно. Но неожиданный гость всем видом своим источал такую радость, что он не успел даже испугаться.

— Поздравляю! Насколько я понимаю, Вашему сыну и всей семье удалось бежать. Сейчас они должно быть уже в Греции. По моим расчетам, они перешли границу еще два дня назад. Если бы с ними что-то случилось, милиция давно бы нагрянула к Вам и ко всем, кто знал их. Раз этого нет, значит, все в порядке.

Весть эта так ошеломила князя, что до него не сразу дошло другое, что капитан пришел сообщить ему: беглецы должны быть сейчас в Салониках, а сегодня вечером у него будет туда оказия. Он может передать для них два-три письма.

«26.X.46

Дорогой мой бесценный, родной Дмитрий,

Я в восторге и так счастлив и благодарю Всевышнего и молюсь за вас горячо да пошлет Он вам всем здоровья и счастья во всем. Я горячо благодарю тебя и дорогую Ирину за все, что вы мне дали. Так бесконечно рад за Никиту, которого большой портрет в прекрасной рамке перед моими глазами и много грустно, что я, может быть, никогда его не увижу, но я рад за него и за вас...

Буду ждать от вас известий, когда это будет возможно, с большим нетерпением. Обнимаю тебя, Ирину и Никитушку горячо.

Да хранит вас Господь. Буду о себе давать знать. Горячо и бесконечно любящий тебя

Твой Папа»

Весть об их удачном побеге мгновенно стала известна среди всех, кто знал Лобановых. Из письма В.Ю. Макарова⁵ к Ирине Васильевне:

⁵ *Владимир Юрьевич Макаров* — один из друзей семьи Лобановых-Ростовских в годы их эмиграции в Болгарии. Впоследствии был арестован за чтение «антисоветской литературы», живет во Франции.

«...Очень уж трудно было предположить даже мне, хорошо знающего Вашу энергию, что все это произойдет так скоро. Во всяком случае, если Вам интересно, эффект ваш отъезд произвел колоссальный. Интерес, вызванный этим событием, можно сравнить с тем, который создает обыкновенно атмосфера хорошего здорового скандала. Люди останавливают меня на улице: “а правда, что...”. И следуют детали. Я делаю умное лицо и молчу. Одни говорят: “Вот ловкие люди!” Другие: “Вот счастливые люди!” Все это ненужно, пустяки.

Важно то, что вам всем удалось благополучно выбраться и будем надеяться, будет хорошо...».

КАТАСТРОФА

Письма эти дойдут до них и они их прочтут. Правда, позднее. Намного позднее. Пока же они продолжали спускаться по пологому склону. За деревьями просматривалась дорога, которая, видно, вела к селению, что виднелось внизу.

Потрогав рукой лицо, отец сказал, что в таком виде, обросшим, не пристало являться людям. Они остановились возле ручья, он вынул из кармана походную свою бритву, намылил лицо и принялся бриться. Никита держал зеркальце. Вода была ледяной, дело шло медленно и с трудом. И здесь мать принялась торопить отца, что было совсем не в ее привычке.

— Не говори под руку. Я могу обрезать, если стану спешить.

Он еще брился, когда в стороне, куда ушел Данчо, раздались глухие хлопки.

— Стреляют?

Секунду-другую они прислушивались. Данчо? С ним что-то случилось. Пограничники, — греки или болгары — видно, сумели заметить его. Едва ли греки. Все знали, что зимой они не патрулируют, больше отсиживаются в казармах. Значит, болгары! А это не приведи Бог.

Быстрым движением отец стер с лица пену.

— Нужно спешить!

Но было уже поздно.

В то же мгновение вразнобой раздалось в несколько голосов:

— Не двигаться! Руки вверх!

Пограничники! В болгарской военной форме. Наставив на них автоматы, они стояли, держа их в кольцо.

Никита даже не испугался. Какая-то волна нереальности вдруг захлестнула собой все. Все было, как во сне, когда снится кошмар. Такого не могло быть никак.

Потом, не раз перебирая в мучительной памяти эту сцену, Никита так и не мог понять, откуда появились они, как подкрались.

Они выросли буквально из-под земли.

Отец поднял руки. Никита повторил движение это за ним.

—Ты! — Один из пограничников повелительным жестом шевельнул автомат, направляя его на мать.

Этот возглас, «Ты!», и то, как он прозвучал, сразу дал им понять кто теперь они, и что ожидает их.

Потом, годы спустя, Никита узнал, что произошло с Пеевым. Пограничники заметили в лесу их следы и пошли по ним. След был свежий, и они надеялись, видно, застать их еще на своей стороне. Но даже, когда оказалось, что те уже в Греции, это не остановило их.

Данчо заметил погоню и попытался уйти. Тогда-то они и стали стрелять. Стреляли на поражение. Но он и сам имел опыт, прослужив на границе не один год. Спрятавшись за поваленный ствол, он попытался отстреливаться. Но часть спины в коричневатом тулупе все же была им видна и они старались в нее попасть. Какое-то время выстрелов от него не было слышно и они рискнули приблизиться. За деревом на снегу лежал человек.

Но, оказалось, это был только тулуп. Самому Данчо удалось уйти. Пристроив за деревом свой тулуп, он умудрился по-пластунски по снегу отползти в кусты и скрыться. Он был профессионал, и его не поймали. И, наверное, вообще бы не нашли, если бы не злая усмешка судьбы. В кармане тулупа, что бросил он, затерялся обрывок квитанции на ремонт часов. По нему и вычислили его.

За Данчо пришли через час после того, как он добрался до дома. Это произошло после того, как, никем не замеченный, не остановленный, он благополучно преодолел налегке весь обратный путь через зимний лес, а потом на каких-то ночных попутках добрался все-таки до Софии. В дверь постучали, как раз тогда, когда он был, наконец, уверен, что все обошлось, что все позади.

Не так ли уверены были они, когда оказались в Греции, думая тоже, что все опасное и плохое у них позади? И как у Данчо, потребовалась самая малость, пылинка на чаше весов, чтобы качнулись они обратно.

Если бы в последнюю минуту отец не стал бы бриться, они были бы уже в селении. И их было бы не достать. Они бы ушли. Навсегда.

Но, чтобы повести себя иначе, не так, как повел он себя, чтобы пренебречь привычкой, бывшей как бы другим его «я», нужно было, чтобы и сам отец был бы другим. Без тех вошедших в плоть и кровь представлений о том, что пристойно, а что не принято и не должно. И тогда, только тогда, не будь он самим собой, будущее его, как и всех их, могло бы оказаться другим.

Впрочем, до времени, когда Никита мог бы задуматься (или не задуматься) обо всем этом, предстояло еще дожить. Пока же его везли, по неровной и извилистой лесной дороге. Рядом с окаменевшим лицом сидела мать. Отца посадили в другую машину, которая бампер в бампер шла следом.

Слева и справа от них — по солдату с автоматами на коленях. Разговаривать запрещено. Солдаты насторожены, руки держат на автоматах, как если бы были готовы тотчас же пустить их в ход. В том, что они готовы стрелять и будут стрелять, сомнений быть не могло. Выстрелы, которые слышали они уже сегодня, не оставляли ни сомнений, ни надежд.

Время от времени их конвоиры делали короткий привал. И тогда пока двое солдат держали их под дулами автоматов, несколько остальных тоже с автоматами наизготовку стояли лицом к деревьям. В те годы в лесах скрывались «бандиты», как называла их новая власть. Правда, сами они называли себя «партизаны». То были отдельные вооруженные группы тех, кто не успел уйти с немцами или просто не желал принять порядки, что принесли Советы. Время от времени газеты писали об очередном разгроме такой «банды». И это был единственный официальный источник, упоминавший о вооруженном сопротивлении. Остальное дополняли слухи.

Уже на первом привале оказалось, что отец не может ни идти, ни стоять. Никита с ужасом видел, как, когда его вытаскивали из машины, он просто валился на снег. Брюки ниже колен были все в крови. Прямо в машине солдаты били его по ногам.

Постепенно дорога становилась шире, один раз проехали уже линию электропередач.

Вдруг машина затормозила. Она остановилась так резко, что все, даже солдаты, повалились вперед. В то же мгновение раздалась оглушительная очередь из автомата. Выстрелы пришлись по земле, перед самой машиной. Никита успел заметить фонтанчики земли и снега, взлетающие вверх.

Какие-то штатские с автоматами и винтовками окружили машину.

— Всем выходить! Оружие на землю!

Солдаты испуганно и поспешно побросали свои автоматы на снег.

Какая поразительная перемена произошла с теми, кто только что охранял их, за какие-то доли секунды! Где повелительные их интонации и

жесты, то брезгливое презрение, которое источали они? Безоружные, столпившиеся в кучку, они старались спрятаться один за другого и на лицах были только недоумение, растерянность и испуг.

Увидев штатских, родителей и Никиту, партизаны сначала сами, видно, не знали, что делать с ними.

— Арестованные? Не бойтесь нас. Вы свободны. Можете сесть в машину.

Слова звучали отрывисто, четко. Так говорят люди, которые привыкли командовать. Водитель, который вез их, тоже остался в машине. Может, потому, что он был не в форме, а в кожанке и без оружия.

Один из партизан, главный, наверное, среди них велел поставить машины за деревьями так, чтобы их не было видно с дороги, и подсел к ним.

— За что это взяли они вас?

Мать и отец наперебой стали ему рассказывать, как долгие месяцы готовились они перебраться в Грецию, чтобы оттуда попасть во Францию. В Париже их ждет ее отец, Василий Васильевич Вырубов. Они переписывались с ним, передавая письма через иностранцев, что приезжали в Софию. И вот, они уже перешли границу и были на греческой территории, когда болгарские пограничники на чужой земле настигли их.

— Вы понимаете, — горячилась мать, — они нарушили международные соглашения! Они вторглись на территорию чужой страны! За это нужно ответить! Это ведь произвол!

Но тот только махнул рукой.

— Солдаты такие же, как и власть. Закона для них нет. Неужели вы еще не поняли этого? У вас был хороший проводник, наверное?

— Боюсь, он попал к ним в руки. Мы слышали выстрелы.

— Наверное, я знаю его. Мы всех знаем здесь.

Но отец сказал, что едва ли. Он познакомился с ним случайно и он даже не знает, как его зовут. Никита дернулся было поправить его. Навер-

ное, он забыл. Он сам ведь его называл по имени: Данчо, Данчо Пеев. Но быстрый взгляд матери остановил его.

— Мои люди, думаю, провели бы вас быстрее. Мы сами часто ходим через границу. У нас есть надежные тропы, которых не знает никто.

Неподалеку со стороны, куда увели солдат, послышались выстрелы и очередь из автомата, потом еще. Видя, как мать с отцом тревожно переглянулись, собеседник успокоил их:

— Ничего. Нас они тоже в плен не берут. Они получили за все.

Никита видел, как мать вся сжалась.

Тут же к машине подошел кто-то из партизан:

— Все, господин капитан, — доложил он. — Порядок. Пора уходить.

— Документы взяли?

— Само собой. И оружие. Не впервой.

— А с этими-то что будем делать? — Капитан показал головой на них.

— Пускай идут, куда им надо. Не наша забота. Нам бы самим уйти, пока не спохватились.

Но капитан не согласился с ним.

— Так не годится. Сам видишь, люди в беде. Нужно будет обязательно перевести их обратно через границу. У нас много времени это не займет.

Тот пробурчал, что нет лишних людей, но спорить не стал. Здесь капитану кто-то подал, видно, какой-то знак и он, ни слова не говоря, выскочив из машины, торопливо куда-то ушел.

И тогда водитель в кожанке стал просить отца, чтобы его тоже они взяли с собой.

— Это мой единственный шанс попасть «туда», я ребенком еще мечтал о Париже!

Ответить отец не успел. Дверца рядом с водителем распахнулась резко. На сиденье тяжело плюхнулся конвоир — тот, что сопровождал их до этого. Живой и здоровый. В руках у него был автомат.

— Заждался? — кивнул он водителю.

Тот расхохотался.

Тут же распахнулись разом обе другие дверцы и конвоиры, пересмеиваясь между собой, заняли снова свои места. Машина рывком тронулась с места. Водитель, время от времени, откидываясь, оборачивался назад и смеялся.

Все это был спектакль.

Первые секунды сознание просто отказывалось это понять.

Отчаяние, это второе отчаяние, охватило их, оно было даже острее и безысходней того, когда они слышали над собой там, в Греции:

— Не двигаться! Руки вверх!

Спектакль был разыгран затем, чтобы «разговорить» их, сделать так, чтобы они рассказали сами обо всем, что было связано с их побегом, его подготовкой. Неудавшимся побегом. Неудавшимся окончательно и бесповоротно.

По прошествии многих лет уже не Никита, а Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, узнает, почему греческий проводник в условленном месте не встретил их. Ведь именно это, и только это сломало их жизни и погубило их.

Почему же не было проводника?

Н. Лобанов-Ростовский был тогда в США, когда ему стали известны некоторые детали того, что тогда произошло. Греческую часть их побега готовил полковник Барнс⁶, у него там был свой человек, готовый в нужное

⁶ *Мейнард Барнс* — член Американской миссии при Союзнической контрольной комиссии, а затем посол США в Болгарии.

время и в должном месте встретить их. Сумма, которую оговорил за это американец, была огромна. Он ее получил. Само собою, вперед.

Большая часть, как посреднику, предназначалась ему. Меньшую же, как и полагается в подобных делах, получить должен был тот, кому предстояло идти на риск и подставлять себя — встретить их в Греции возле границы и проводить.

Полковник Барнс, София, 1945 г.

Деньги он брал с чистой совестью — проводник у него, действительно, был. Правда, нанимать его он и не думал. Ведь тогда какую-то долю нужно было бы отдать ему. Очень надо! Тем более, эти русские — да кто они такие вообще? Кто за ними стоит? Никто. Никого. А пойдутся, туда и дорога. Тем лучше. Тем более, все с концами.

Тогда же Никите Дмитриевичу стали известны не только имя этого человека, но и адрес его в Вашингтоне и телефон.

Трудно сказать, как поступили бы на его месте Вы или я. Но Лобанов не попытался даже встретиться и ним. Хотя бы для того только, чтобы посмотреть в глаза человеку, на чьих руках была кровь его отца. Он даже не позвонил.

— Американские мои друзья, — объясняет он, — посоветовали мне этого лучше не делать. Дело в том, что я ожидал тогда получения американского гражданства. А человек этот, объявись я перед ним, мог бы запросто этому помешать. У него были связи.

Вспоминаю Льва Николаевича Гумилева, который провел в тюрьмах и лагерях почти 20 лет. После освобождения ему встретился человек, писавший на него доносы, прилагавший усилия к тому, чтобы его арестовали. Что делает Гумилев? В лицо ему произносит фразу, убийственную, как

кажется это ему самому («Науку не остановить!»). Но фразу — совершенно неловкую, неуместную и тем более непонятную палачу. Что же тот? «Даже не остановился», — вспоминал Гумилев, недоумевая. Еще бы!

Вот почему, даже, если полковник согласился бы встретиться с Никитой, ничего, кроме жалкой и бессмысленной сцены, представить невозможно.

В Софию въезжали уже на рассвете. Улицы были еще пусты. Дом, куда их привезли, внешне не отличался ничем от других соседних домов. Прохожим и проезжавшим мимо и в голову не могло прийти, что это и есть та Военная тюрьма, только упоминая о которой люди переходили на шепот и оглядывались через плечо.

Ворота распахнулись бесшумно. И, как только машины въехали, с лязгом захлопнулись позади. Это было, как знак: войти-то легко, а выйти... Потом пронзительный звук этот Никита не раз слышал из камеры. Начались тюремные дни.

ПО КАМЕРАМ И ЗАСТЕНКАМ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА⁷

София, 29 ноября 1946 года

Зовут меня: Ирина Васильевна Лобанова-Ростовская, рожденная в Петрограде 18-го августа 1911 года. По национальности русская, православная, замужем, один сын, грамотная, несудимая, с Нансеновским паспортом. Живу в Софии на улице Мадара, № 11, в районе Павлово. Указываю следующее:

Вопрос: Как Вы сюда попали [NB: т. е. в Военную тюрьму]?

Ответ: *Попыталась с мужем и сыном покинуть нелегально Болгарию, что и сделали.*

В: Почему Вы хотели бежать?

О: Потому что хотела уехать в Париж к своей семье и отцу.

В: Не было ли нормальной возможности уехать к семье?

⁷ Перевод с болгарского. Печатается без купюр.

О: Не было.

В: Делали ли Вы попытки на получение визы для поездки за границу?

О: Нет, не делала.

В: Делали ли Вы попытки на получение советского гражданства?

О: Нет.

В: По какой причине?

О: Потому что хотела уехать во Францию.

В: Участвовали ли в каких-либо русских белоэмигрантских движениях в стране?

О: Ни в Болгарии, ни во Франции я не участвовала в таких организациях.

В: Вас не интересуют организации Ваших соотечественников?

О: Нет.

В: В каком возрасте Вы покинули Россию и каковым был Ваш житейский путь?

О: Уехала я из России весной 1923 года, с братьями Василием и Николаем Вырубовым, дедом Николаем Галаховым и бабушкой Ольгой Галаховой, и с тетей Кирой Галаховой. До отъезда из России, мы все жили в Петрограде. Россию мы покинули нормально, с паспортами. Ехали поездом через Ригу, Берлин, и до Парижа. Там мы поселились у моего отца, которого зовут Василий Васильевич Вырубов. Он заведующий имениями во Франции известной аргентинской семьи по фамилии Бенберг. Мои братья живы. Василий живет в Аргентине, Николай — в Париже. В 1934 году я познакомилась в Париже с Дмитрием Ивановичем Лобановым-Ростовским, за кого я вышла замуж против желания моего отца. Несколько месяцев после свадьбы, я последовала за мужем и приехала в Болгарию.

В: Чем занимается Ваш муж в Болгарии, и какая у него месячная зарплата?

- О: Работал на фабрике «Фортуна», где дослужился до поста административного директора. Его месячный заработок, насколько я помню, 30–40 тысяч [NB: получал 50 тысяч].
- В: С тех пор как Вы поселились в Болгарии, имели ли вы какие-нибудь неприятности с властями?
- О: Нет.
- В: Как Вы организовали Ваш побег?
- О: Лично я не имела никакого участия в организации побега. Идея и организация бегства были личное дело морского командира Английского флота Джеффри Мареско.
- В: С каких пор Вы знакомы с командиром Мареско?
- О: Я познакомилась с командиром Джеффри Мареско в марте 1945 года, на ужине у г-на Морриса в Английской миссии.
- В: Как развились затем Ваши отношения с командиром Мареско?
- О: Он проявил большой интерес к нашей семье.
- В: Как проявился его большой интерес?
- О: Он нас часто приглашал в театр, кино и к себе домой.
- В: Что Вы имеете в виду под словом «приглашал»? Только Вас одну, или вместе с мужем?
- О: Часто, только меня, а иногда с мужем.
- В: Как относился Ваш муж на все более углубляющиеся отношения между Вами и командиром Мареско?
- О: Мой муж не находил ничего плохого в моей дружбе с командиром Мареско?
- В: Какова была Ваша роль на приемах, устраиваемых командиром Мареско?
- О: В отсутствии другой дамы, я играла роль хозяйки.
- В: По каким причинам, в обществе, Вас звали г-жой Мареско?
- О: Потому что мы часто выходили вдвоем.

В: Какие лица посещали часто командира Мареско?

О: Наиболее часто его посещали:

- Александр Пулиев
- Поручик Агов, который жил около 10-ти дней в его вилле
- сестры Недковы
- сестры Трояновы
- г-жа Фанта
- Майор Александр Струмило
- семья Паница
- девица Чумакова-Петрова
- г-жа Шпиллер
- раз, советский капитан Тышкин
- болгарский капитан Зашев и другие.

В: Заметили ли Вы какие склонности имеет командир Мареско?

О: Насколько я поняла, он имел больше склонностей к молодым мужчинам, чем к женщинам.

В: Был ли командир Мареско совершенно безразличен к женщинам?

О: Сексуально, совершенно безразличен.

В: Какова роль полковника Уольбаха в Вашем побеге?

О: В одну из его поездок в Швейцарию он отвез мое письмо к отцу, и привез оттуда необходимую сумму, которую мы должны были заплатить как гонорар за нелегальный переход через границу.

В: Какая сумма денег была привезена Уольбахом в Болгарию от Вашего отца?

О: Насколько я знаю, Уольбах получил от моего отца и привез в Болгарию 1500 английских фунтов в банкнотах.

В: Кто Вам указал эту сумму?

О: Командир Мареско.

В: Знаете ли Вы сколько 1500 фунтов равняются в болгарских левах?

О: Около 6 миллионов левов.

В: Ограничивался ли нелегальный переход через границу этой суммой?

О: Мой муж должен был доплатить 500 тысяч левов командиру Мареско.

В: Считал ли Ваш муж эту сумму?

О: Насколько я знаю, да.

В: Откуда у Вашего мужа были такие деньги?

О: Он их взял из кассы фабрики «Фортуна».

В: Кто еще знал о Вашем бегстве?

О: Генерал Окслей, майор Ноуль, майор Струмило.

В: С кем Вы лично попрощались накануне побега?

В: Только с командиром Мареско.

В: Знаете ли Вы, прощался ли с кем-либо Ваш муж?

О: Знаю, что он виделся с генералом Окслеем.

В: Как совершилось Ваше бегство?

О: 18-го октября 1946 года, упакованные и готовые для путешествия, согласно инструкциям командира Мареско, мы покинули Софию поездом по направлению в Пловдив. Туда мы приехали на следующий день, 19-го утром. По указаниям командира Мареско, мой муж нашел проводника, который должен был перевести нас через границу. Проводник нам указал сесть на поезд на Авсеновград. В Авсеновграде мы сели на автобус до деревни Чепеларе. Из Чепеларе мы ехали на телеге до города Смолян, откуда дорога ответвлялась к деревне Пампорово. До Пампорово, проводник ехал отдельно от нас. И, по его указанию, мы делали вид, что не знакомы с ним. В Пампорово, мы сошли с телеги и пошли пешком за проводником. Три ночи мы спали под открытым небом. На четвертый день, утром, наш проводник (которого мой муж и я знали как жителя Софии Йордана Пеева, которого мы встречали на различных приемах) нам сообщил, что его друг по этому делу, был вынужден уехать в командировку, не дожидаясь нас. И показал нам записку в

этом смысле. После этого, он сам нас перевел через границу и прошел с нами около трех километров по греческой территории. Там он нам сказал, что должен идти обратно. Тогда, по предварительному уговору между мужем и командиром Мареско, муж передал Пееву половину банкнот в левах. Другая половина, с тем же номером, была у Мареско: это означало, что наш проводник Пеев перевел нас через границу благополучно и имеет право получить от командира Мареско заранее договоренное вознаграждение. Около получаса после того, как Пеев ушел по направлению к Болгарии, и потому что мы были очень голодные и уставшие, мой муж оставил меня и сына там, где мы остановились, и пошел искать греческих солдат, которые могли бы нам помочь. Сразу же после этого мы услышали несколько выстрелов. Минут через 15–20 после ухода мужа, появился болгарский поручик с 2-мя солдатами. Он подошел и сказал, что они «нелегальные», и что мы должны за ними следовать. По дороге поручик спросил меня, где английская радиостанция. Я его попросила отвести нас к англичанам, которые знают о нашем прибытии в Грецию. Но, несмотря на то, что поручик указал на две мне неизвестные английские фамилии, вел он нас на север, т. е. к Болгарии. Когда мы дошли до болгарского пограничного поста, я поняла, что поручик и солдаты не «нелегалы», а пограничники, и что мы в руках болгарских властей.

- В:** Что Вы знаете об организации, которая взялась Вас перевести через границу?
- О:** Командир Мареско мне только сказал, что наш переход через границу в руках «одной организации», — не дав мне иных подробностей о ней.
- В:** У кого впервые возродилась идея о Вашем бегстве?
- О:** Командир Мареско знал о моем большом желании уехать к отцу. Однажды в разговоре, он мне сказал, что есть возможность уехать во Францию нелегально, через Грецию.

Майор Александр Струмило (справа) — представитель Великобритании в Союзнической контрольной комиссии в Болгарии. София, 1945 г.

В: Как Вы отнеслись к незаконному переходу через границу?

О: Откровенно говоря, с отвращением. Ибо даже из России я уехала с нормальными документами. Но, командир Мареско начал меня уговаривать и говорить, что пока он в Болгарии, он может устроить нам нелегальный выезд. И что, после его отъезда из Болгарии, я вообще не смогу увидеть своих родителей.

В: Кто вел переговоры с организацией?

О: Командир Мареско вел переговоры с организацией о нашем незаконном переходе через границу.

В: Кто Вам дал гарантию об успехе Вашего бегства?

О: Командир Мареско мне сказал, что побег будет успешным. Он даже добавил, что уверен в этом на 99%.

В: Кому Вы передали свой багаж, который остался в Болгарии? Когда и как?

О: Одна часть багажа состояла из:

- 4-х больших чемоданов,
- 2-х маленьких чемоданов,
- 2-х коробок — одна черная, другая зеленая, — для дамских шляп,
- одной картонной коробки.

Все это мы передали с мужем командиру Мареско в нашей квартире. Оттуда он их перевез на свою виллу, машиной черного цвета, с номером 113.

О: Остальной багаж, который состоял из:

- зеленого сундука,

- зеленого чемодана,
- двух кожаных чемоданов,
- двух старых картонных чемоданов,
- одного деревянного чемодана и
- одного обыкновенного чемодана,

О: остались в квартире. Командир Мареско уверил нас, что он их оттуда заберет. Он также взял на себя упаковать наши одеяла и кухонные принадлежности, радио марки «Филиппс» и пр.

В: Как Вы получили бы свой багаж? Через кого? Где?

О: Первую часть, которую мы передали командиру Мареско перед отъездом, должна была быть перевезена в Тесалоники (Солунь) на английском самолете. Мы же должны были представиться коменданту британского военного аэродрома в Солуне и получить багаж там. Ключи от чемоданов были у нас. Коменданта аэродрома я не знаю. Не знаю его имени. Но мы должны были к нему обратиться.

В: Сколько Вам надо было уплатить за перевоз багажа?

О: Ничего. По крайней мере, командир Мареско мне ничего не говорил о надобности уплаты за перевоз багажа.

В: Считаете ли Вы, что сумму, которую Ваш отец/муж заплатил за нелегальный переход границы, включала стоимость перевозки багажа?

О: Знала, что нам не надо платить за перевоз багажа.

В: Отчего командир Мареско взял на себя это обязательство?

О: Потому что хотел нам содействовать и помочь.

В: Знакомили ли Вы командира Мареско с какими-либо молодыми мужчинами среди Ваших знакомых?

О: Да, я его познакомила с молодым человеком, Владимиром Макаровым, который проживает на улице Венелин 11, в Софии, который должен был давать уроки русского языка командиру Мареско.

В: С кем и какими семьями Вы дружили в Софии?

О: Дружили мы с:

- семьей Ратиевых, ул. Регентская № 22,
 - семьей Иванюк, ул. Сан Стефано № 16,
 - вышеупомянутым Владимиром Макаровым,
 - командиром Джеффри Мареско,
 - семьей Егоровых, проживающих на Горнобанском пути,
- и другими. Также я познакомилась в Софии со многими другими семьями. Но с ними у меня были только официальные знакомства. В Софии живет и мой крестный отец. Зовут его Александр Николаевич Ермолов.

В: С кем из них Вы говорили о Вашем побеге?

О: Относительно нашего побега я ни с кем не разговаривала, кроме командира Мареско и полковника Уольбаха.

В: Поддерживает ли Ваш муж отношения с людьми и семьями отдельно от Вас? С кем именно?

О: Насколько я знаю, нет.

В: В котором часу возвращается Ваш муж вечером?

О: Зимой, он возвращается с фабрики в 7–8 часов вечера. А летом, выйдя с фабрики, он почти каждый день ходил в дипломатический теннисный клуб, где он состоит членом, и возвращался в 10 часов вечера.

В: От кого Вы получали подарки? По каким причинам и какого рода?

О: Получала от командира Мареско цветы по праздникам. Также, он мне привез купальный костюм из Франции, туфли на веревчатой подошве, губную помаду и прочие мелочи, стоимость коих я ему возвращала.

В: На какие фильмы Вы главным образом ходили с Мареско?

О: На русские и американские фильмы разнообразных сюжетов.

В: Какие мнения выражал командир Мареско относительно болгарского народа, правительства, отдельных лиц и партии?

О: Он любил болгарский народ. И очень любил говорить с болгарскими крестьянами. Он не одобряет состав правительства и его политику, ибо

он консерватор по убеждению. Он говорил, что в стране есть тысячи болгар в концлагерях, которые не приверженцы нынешнего правительства.

Александр Николаевич Ермолов — крестный отец Ирины Васильевны. София, сентябрь 1934 г.

В: На какие темы Вы говорили с командиром Мареско?

О: На семейные и светские темы.

В: Что Вам говорил командир Мареско о своей службе в Болгарии?

О: Он мне говорил, что является представителем Британского военного флота в Болгарии. Другого ничего не говорил.

В: Какую сумму Вы попросили у отца в письме, которое ему доставил полковник Уольбах?

О: В этом письме я попросила отца прислать мне через полковника Уольбаха 1500 фунтов.

В: Зачем Вам была нужна эта сумма?

О: Потому что командир Мареско мне сказал, что надо уплатить эту сумму организации, которая займется нашим переходом через границу.

В: Кто определил сумму в 1500 фунтов?

О: Командир Мареско. Предполагаю, что организация попросила у него эту сумму за то, чтобы перевести нас через границу.

В: Как Вы были намерены поддерживать отношения с командиром Мареско после Вашего отъезда?

О: Я не беседовала с ним по этому вопросу. Он знал адрес отца в Париже, 6, rue de Seze, Paris 9. Предполагаю, что при его поездках в Париж, он бы нас там навестил.

В: С кем Вас познакомил и кому Вас рекомендовал командир Мареско за границей?

О: Никаких адресов за границей командир Мареско мне не давал, и ни с кем не связывал.

В: Что считал командир Мареско, — есть ли в Болгарии диктатура, и кем эта диктатура навязана?

О: Командир Мареско говорил, что в Болгарии диктатура коммунистической партии.

Все вышеупомянутые вопросы мне были продиктованы во время допроса. И смысл, и содержание мне вполне ясны и понятны. Все вышеуказанные ответы мною диктованы. Они соответствуют истинной правде. И за их верность я подписываюсь:

Ирина Лобанова, София, 29.XI.1946 г.

Оказывается, человек может жить и за решеткой, в камере и в тюрьме. Это проверено многократно. И счастлив тот, кому не случилось испытать этого на себе.

Камера-одиночка, куда был помещен Никита, вмещала только подобие кровати — узкий деревянный лежак, с соломенным тюфяком на нем. И это все. Ни простыни, ни подушки, ни одеяла. «Врагам народа» не полагается.

Вдоль лежака оставался узкий проход, по которому можно было ходить. Два шага в одном направлении, два обратно; непомерно высокая дверь с небольшим постоянно открытым зарешетчатым окошком на самом верху. «Чтобы не задохнуться», — догадался Никита.

Камера была без окна. Лампочка в железной сетке под потолком горела всегда. Выключателя в камере не было. Не положено.

Через решетку в оконце над дверью угадывался дневной свет, проникавший туда из окна в конце коридора. Камера его была как раз там, в са-

мом конце. По неверному этому свету он пытался примерно угадывать время дня.

На допрос вызывали его редко. То ли у следователей хватало других дел, то ли не видели особого смысла терять на него время.

Когда конвоир вел его по широким коридорам и этажам, мимо вереницы замкнутых наглухо дверей, он всякий раз невольно говорил себе, что где-то там, в какой-то из этих камер его отец. Или мать. Он думал, как бы подать им знак о себе, но ничего не приходило на ум.

Военная тюрьма, куда привезли их, была отстроена, видно, совсем недавно. До этого много лет обитали здесь просто жильцы. Многолетняя аура мирной жизни и домашних стен не была еще вытеснена и размыта духом безысходности и отчаяния, духом тюрьмы.

На допросах следователь требовал, чтобы Никита «о враге народа, государственном преступнике Дмитрие Лобанове-Ростовском рассказал все». Кроме того, что следствию известно было и без того, рассказывать ему было нечего. Так что вызовы эти на допрос были для следователя скорее проформой. И Никите скоро это стало понятно тоже.

Иногда, точно так же, для проформы, следователь кричал на него и стучал по столу тяжелым большим кулаком. Когда это произошло первый раз, от неожиданности и от того, что до этого никто на него никогда не кричал, он, действительно, испугался. Но потом догадался, что это тоже какая-то часть игры и следователь так поступает, потому что по каким-то правилам ему следует вести себя именно так.

Но особенно больно и оскорбительно было через каждое слово слышать от следователя: «Вре-е-ешь!»

Никита знал и верил (в то время, во всяком случае), что лгать никогда нельзя, это подло и низко. И он ни в школе, ни дома никогда не лгал.

И вот услышать вот так, прямо в лицо «Вре-е-ешь!»

Лучше б его ударили.

Правда, другой следователь, пожилой, всегда вежливый, всегда в отуженном темно-синем костюме, никогда такого не позволял. Иногда он просто говорил с Никитой о вещах, не имевших никакого отношения к тому, как он сюда попал: о школьных его делах, о книгах и о собаках.

Кроме редких этих вызовов на допрос, все остальное время проводил он в своем «пенале». Так по школьной привычке окрестил он то тесное, замкнутое пространство, в которое его замуровали. Быть замкнутым в одиночке, остаться один на один с собой — не легкое испытание. Для многих тяжелейшая пытка.

От одиночества некоторые приходят в отчаяние и сходят с ума. Другие, наделенные, видно, иным психическим складом, способны переносить это легче.

Сам Никита от собственной компании не очень страдал. Скорее, наоборот — окажись он в общей камере или просто в компании с кем-то еще, ему это было бы куда хуже. («Я знаю, что такое ад. Ад — это другие». Ж.-П. Сартр.)

Самодостаточность эта, благоприобретенная или врожденная, останется у него на всю жизнь.

От вынужденного безделья в замкнутых четырех стенах было лишь два спасения — спать чуть ли ни все двадцать четыре часа или переноситься мысленно в то, что совсем недавно еще было его жизнью: вечера дома, когда возвращался с работы отец, уроки, перемены в школьном дворе.

Что делает сейчас Платон⁸, с которым сидит он на предпоследней парте? Наверное, удивляется, почему нет его, Никиты. Думает, заболел. А он — здесь.

⁸ Платон Васильевич Чумаченко, в 1946–1948 гг. учился с Н.Д. Лобановым-Ростовским во французской школе Св. Кирилла и Мефодия в Софии, в 1948–1949 гг. в школе в районе Овча Купел, а с 1951–1953 гг. в школе № 5 в районе Павлово; сын бе-

Платон Чумаченко (первый слева в верхнем ряду), Любомир Левчев, (второй справа в нижнем ряду). София, 1952 г.

Каждый вечер, когда в зарешетчатом про свете над дверью пропадали блики дневного света, наступало самое страшное.

В первый день он даже не сразу понял, что происходит. Сначала где-то во дворе слышно было, как завели грузо-

вик. Мотор работал, не стихая, на полные обороты минуту, другую. Потом к нему присоединился другой. И еще один. Никита знал, иногда так прогревали моторы зимой. Но уезжать машины явно не собирались. Он прислушался. Лучше бы этого он не делал.

Если Вам никогда не случалось кричать от боли, Вы прожили, наверное, счастливую жизнь. Хотя, может, и не сознаете этого сами. Вы прожили счастливую жизнь тем более, если Вам не пришлось слышать, как от боли кричат другие. Кричат мужчины. Каждую ночь. И крики эти только отчасти, и то лишь для соседних домов, заглушал ночной шум моторов. Да, конечно, Вы счастливы, если не кричали от боли сами и не слышали криков других. Если каждую ночь Вам не казалось, будто Вы начинает распознавать среди остальных голос близкого человека. Голос отца.

логвардейца — Василия Платоновича — студента Новороссийского университета, города Одесса, прапорщика белой армии, кончившего Медицинский институт в Софии. В.П. Чумаченко был собственником «белодробного» (туберкулеза легких) санатория «Витоша» в Софии. Ныне П.В. Чумаченко — один из ведущих болгарских геологов, доктор геолого-минералогических наук, специалист по датировке слоев юрского периода.

Допросы всегда начинались почему-то с наступлением темноты. Такова, надо думать, была традиция. Не болгарская, само собой. У здешних усердных стражей и палачей были наставники. Никита не раз встречал их на улице. Они были в советской военной форме и красивых фуражках с голубым верхом. Даже здесь, двое таких попались ему навстречу, когда конвойный вел его в камеру в первый раз.

Остальные следователи и охрана, приходившие в это здание каждый день потому что это была их работа, были такие же ничем неприметные люди, как те солдаты, что избивали его отца по дороге, в машине. На улице эти люди были неотличимы от остальных. Они так же ходили, разговаривали, улыбались, здоровались друг с другом. Никто из них не было похож ни на убийцу, ни на садиста.

— Самое тяжелое, — вспоминал он потом, — это первые дней сорок. Потом привыкаешь. Привыкаешь настолько, что уже как бы и нет разницы, держат ли тебя за решеткой столько-то месяцев или столько-то лет. Это становится жизнью.

В жизни этой, сколь ни покажется странным, иногда были и свои радости. Именно радости. В прошлом своем бытии, на свободе Никита, может, бы и не воспринял это так, но здесь, в тюрьме, для всего был как бы свой отсчет.

Такой радостью, даже счастьем, было, когда другой, пожилой следователь принес, видно, из дома, и дал ему в камеру две книги. Майн Рида и Карла Майна. Когда он читал и перечитывал их, стены камеры раздвигались и исчезали совсем.

Какие бы обстоятельства ни привели этого человека служить в Военной тюрьме, то что в этом страшном месте он сумел увидеть ребенка и пожалеть его, пусть это ему зачтется.

Другое из немногих его развлечений заключалось в том, чтобы прислушиваться к тому, что происходило за дверью. Обычно царила там пол-

ная тишина, но иногда к окну, что было в конце коридора, приходил парикмахер или «цирюльник», как называли его. Там, у окна, где было светлей, он стриг заключенных. По шагам, по шарканью ног и звукам, которые доносились к нему, Никита знал, когда кого-то ведут к окну, кого-то обратно. Иногда он слышал слово-два, которые произносил парикмахер: «Наклони голову», «повернись» или что-то еще такое же. Самим заключенным говорить было запрещено, они ему не отвечали и это было все, что он мог слышать. Но для него, не слышавшего порой по неделям голоса человека, это была как бы весть «оттуда», из другой жизни. Чуть ли ни со свободы.

Но однажды произошло нечто необыкновенное.

Очередной заключенный, которого стригли возле окна, стал насвистывать. Знакомый мотив заставил его вздрогнуть: «It's a long way to Tipperary, it's a long way to go...»

Это был отец!

Даже не догадываясь, не зная, где могли бы держать сына, он наугад, как шанс один из тысячи, попытался подать ему знак. И Никита тут же подхватил мотив и стал насвистывать его, как бы в ответ.

По тому, как на какой-то миг надломился за дверью звук, Никита понял, что отец услышал его. Потом, когда мелодия за дверью стихла, ему были слышны удаляющиеся шаги отца и другие, тяжелых сапог конвоира. Долго еще потом, вспоминая, он улыбался счастливый, наедине с собой.

В ЗАТОЧЕНИИ — ТОЖЕ ЖИЗНЬ

Первое время Никита пытался еще вести счет дням, сам не ведая, для чего. Но потом потерял какую-то нить и не различал уже ни дня, ни месяца, ни недели. Да и к чему? Сегодняшний день не отличался ничем от вчерашнего или того, что был до него. А завтрашний будет таким же, как был вчера. Время остановилось. Время как бы слилось в один бесконечный,

нечленимый на даты день. И такую же ночь. О ночи он старался не думать, не помнить ее, не знать.

Но однажды что-то запредельное, где-то видимо, произошло и бесконечная эта цепь прервалась вдруг. Его вызвали, как всегда, на допрос. Так думал он. Но конвойный, не останавливаясь, провел его почему-то мимо знакомой двери и дальше по коридору.

Там, в самом низу, у лестницы какой-то человек в милицейской форме ожидал его. Круглолицый и розовый, как из бани.

— Вот что. Ты пойдешь со мной. — Он говорил почему-то громче, чем это было бы надо. — И запомни. Если хоть шаг от меня, я стреляю.

Он похлопал ладонью по кобуре, которая предательски издала при этом глухой звук, выдавая свою пустоту. Он метнул взгляд на Никиту и догадался, что тот понял.

— Запомни. Буду стрелять. — Чуть тише, с бессильной угрозой повторил он.

Как вежливый мальчик, Никита попрощался с конвойным. Услышав его «до свидания», тот рассмеялся — непонятно чему.

Это было так странно, так непривычно после всего — идти по улице. Непривычно и странно было то, что навстречу им шли другие люди. И они не держали руки за спину, как полагалось и как, по привычке, держал он их и сейчас. Лошади везли какие-то балки, и время от времени проезжали автомобили. Сначала ему не пришло в голову даже, что могут подумать другие, видя, что милицейский вот так, среди бела дня, по улице куда-то ведет его. Ведь так водят только жуликов. Или бродяг. Если бы попался кто-то из школы, он, наверное, умер бы со стыда. Хорошо, что все это было не там, не на улице, где он жил и никто здесь не знал его.

И хорошо, что идти оказалось совсем недалеко. Это был всего-навсего милицейский участок № 5. Место, где содержали мошенников и воришек. В отличие от Военной тюрьмы, камера, куда ввели его, оказалась даже с

окном. Целый день, значит, можно будет сидеть у окна и смотреть на тюремный двор. Одно это было уже счастьем.

Но он не успел даже, как следует, оценить это, как дверь отворилась опять. В камеру ввели мать!

То, что теперь она была с ним, сделало тюремную жизнь совершенно иной. Как много оказалось у них, о чем говорить! Ирина Васильевна рассказывала ему о себе разные интересные вещи, вспоминала, какой была она, когда ей было столько же лет, сколько ему. Она рассказывала о странах и городах, о Лондоне и Париже, где привелось ей жить. Рассказывала о музыке и музыкантах, насвистывала и напевала мелодии и целые арии из опер, которые были дороги ей и которые помнила наизусть. И Никита тоже рассказывал ей о себе, о своих школьных делах, о событиях в классе, о симпатиях, антипатиях и тайной вражде, об обидах и о многих вещах, которыми он никогда б не подумал делиться раньше, в благополучные дни. Когда были дома, так получалось, что родителям было как-то не до него. Может быть, потому и он тоже не очень тянулся к ним. Тем более, что у него была няня, Елена Ивановна, и она понимала его. Неужели для того, чтобы близких два человека смогли обрести друг друга, понадобилось, чтобы они оказались в тюрьме? Как странно. И печально, если подумать.

В отличие от Военной тюрьмы, где жизнь, казалось, остановилась, в Пятом милицейском участке на улице Марин Дринов, что-то все-таки происходило. Даже кормили здесь трижды в день! Заключенные, которых держали здесь, попадали в милицию не в первый раз и знали, что для них это не навсегда. Так, жизненный эпизод, не больше. В отличие от Военной тюрьмы, откуда, как правило, не выходили уже никогда.

Вообще, обитатели этого места пребывали здесь с легким сердцем, как в месте, хорошо знакомым и даже привычным. И только Лобановы по-прежнему ощущали себя в этих стенах, как залетные птицы, что попали в чужие силки.

Там, где помещался Пятый участок, был когда-то турецкий караван-сарай. И, хотя теперь по его переходам взад-вперед расхаживали люди в синих мундирах, память недавнего прошлого продолжала жить. В каком-то смысле она была сильнее настоящего. И, хотя в конюшне теперь помещался гараж, милиционеры место это по-прежнему называли между собой конюшней. А там, где держали когда-то провизию для приезжавших, теперь по традиции, видно, хранили картошку и лук для сегодняшних «постояльцев». В каком-то смысле для них это тоже был как бы караван-сарай, некая остановка, вынужденный привал на жизненном их пути. Ведь для них это тоже был постоянный двор. Как и гости караван-сарая, они приходили и уходили, и за воротами терялся их след.

Под навесом, где раньше держали арбы, стояли теперь велосипеды. Для милицеевских в те времена это был основной транспорт.

С первых же дней, не иначе, как по малолетству, Никите доверено было чинить велосипеды. Десятка два их — сломанных, с погнутыми колесами не один год, видно, стояли прислоненные к стене. К удивлению самого Никиты, оказалось, что у него это получается. Наверное, он набил руку еще на своем, который был у него дома и у которого постоянно что-то отваливалось. Один милиционер принес ему из дома отвертку, другой — гаечный ключ, и он оказался при деле.

Поскольку там, где были велосипеды, хранился и лук, то Никите не стоило большого труда всякий раз стянуть из мешка несколько штук. Конечно, в этом был риск, но зато и своего рода игра. Игрой же было — улучить минуту, когда милиционеров не было рядом, и, проходя под окошками камер, что были на втором этаже, подбросить луковицу так, чтобы из-за решетки кто-то успел поймать ее на лету. Когда это удавалось, неизвестно, кто радовался больше.

*Елена Ивановна Иванюк, няня
Никиты и Никита, позади
Сергей Здеховский. София,
1937 г.*

Конечно лук — это витамины и вообще — еда. Но для тех, кому удавалось поймать, важнее всего было, наверное, то, что это было — как бы назло начальству. Маленькая свобода в большой тюрьме.

Для Лобановых такой глоток свободы был в том, что однажды Ирине Васильевне, неведомо как, удалось передать весточку о себе на волю.

В то утро, почти на рассвете к Елене Ивановне, няне Никиты, пожаловал вдруг какой-то потрепанного вида человек и сказал,

что он от княгини Лобановой. Сказал, что держат ее вместе с сыном в Пяттом участке. О князе Дмитрие и что с ним, он ничего не знает. Самой ей ничего не надо, да и все равно передач ни у кого не берут.

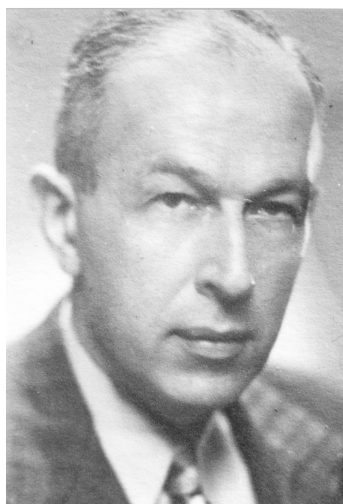
От чая гость решительно отказался, но десять левов предложенные ему, неуверенно взял.

В тот же день о том, что с Лобановыми, узнали в Софии все их друзья: князя Ратиевы, Владимир Юрьевич Макаров, Александр Николаевич Ермолов, Мещерские.

Посылая эту весточку из своего заточения, княгиня знать не знала и подозревать не могла о других событиях, которые, оказывается, происходили в те самые дни.

В то утро Ирина Васильевна пересказывала Никите какую-то книжку, что читала когда-то и где-то. И в то же утро, в тот самый час в штаб-квартиру Международного Красного креста, что в Женеве, среди прочих конвертов почта доставила заказное письмо из Парижа. Красный крест ставился в нем в известность, что вопреки международным конвенциям,

болгарские власти содержат в тюрьме ребенка, которому только одиннадцать лет.

Князь Александр Николаевич Ратиев, София, 1941 г.

Княгиня Зинаида Константиновна Ратиева, София, 1947 г.

Еще через пару часов из Женевы в Софию о судьбе Никиты Лобанова-Ростовского был направлен официальный запрос. А копия — в секретариат ООН. Просто для информации. Там письмо это подшито было к другому письму от того же

В.В. Вырубова, где сообщалось, что в нарушение всех международных норм болгарские пограничники на территории соседней страны схватили нескольких гражданских лиц, одно из которых — женщина, И.В. Лобанова-Ростовская, к тому же, гражданка Франции.

Это дало французскому представителю повод с высокой трибуны ООН во всеуслышание заявить: если Болгария на каждом шагу попирает международные соглашения, зачем ее принимать в ООН, что ей делать там?

Василий Васильевич Вырубов, Париж, 1934 г.

Вопрос этот был далеко не риторический. Вступление Болгарии в ООН стояло в повестке дня. И Сталину важен был там каждый голос, который поддерживал бы СССР. Если Болгарию примут в ООН, позиции Москвы станут сильнее. Но, если скандал разрастется, этого не произойдет. И этого допустить было нельзя никак. И в Софии это должны понимать.

В одном из высоких кабинетов в Софии ап-

парат правительственной связи приглушенно заворковал. Что говорилось на том конце, из Москвы, так и осталось тайной. Отсюда же, из Софии, от вечали кратко и по-военному:

— Вас понял. Наша ошибка, перестарались. Разберемся. Виноватых накажем. Будет сделано.

Само собой, найти виновных и наказать было привычной и поэтому легче всего. Прodelано это было так же тайно и так же негласно, как месяца два назад. «Участники спецоперации» по поимке нарушителей границы отмечены были в приказе и награждены. Теперь же, чтобы мгновенно от рапортовать наверх, двоих под горячую руку отчислили даже из органов. Водителя машины в кожанке и другого, которого величали «господин капитан». Без комментариев и без объяснений, само собой. «Так надо» — этим было сказано все.

В те же самые дни события эти неожиданно отозвались и на судьбе бывшего их проводника.

Данчо Пеева после ареста держали в той же Военной тюрьме, избивая жестоко на каждом допросе. Как только стало известно, что по этому делу с самого верха был дан сигнал «отбоя», следователь насмерть перепугался. Он стал говорить Пееву «Вы», спрашивать, нет ли жалоб и дело поспешно закрыл. С Пеева взяли расписку о неразглашении, подлечили немного и на машине вечером отвезли домой.

Он продолжал жить там же, в Софии, но ни с князем, ни с кем из его семьи судьба его не свела. Но встретиться случайно он с кем из них, он мог бы смотреть им в глаза. Данчо Пеев не выдал, не предал и не оговорил.

Пройдя Голгофу, он не сказал ни слова, которое могло бы повредить другим. Позднее, может, признание.

Само собою, среди всех этих срочных и неотложных мер в первом ряду была команда по поводу мальчика: «Найти и отпустить в считанные часы!». И, пока это исполнялось, в Женеву был срочно составлен ответ, гла-

сивший, что Красный крест стал жертвой чьей-то недобросовестной лжи: с Никитой Лобановым-Ростовским все в порядке, его, как и следовало ожидать, никто не держит в тюрьме, а живет он себе на свободе.

Правда, следовало указать, где он проживает — здесь составители письма оставили пустую строчку, чтобы в последнюю минуту вписать туда адрес, которого не доставало.

Конечно, проще всего было бы, чтобы мальчик вернулся к дедушке. Первые дни князь Иван жил в радостной надежде, что они ушли, находятся в Греции или уже в Париже. Но постепенно страшная правда начинала доходить до него. Иногда ему начинало казаться, что они вернулись или, может, не уходили вообще. И тогда он подходил к запертой двери и в смутной надежде дергал ее. А вечером выходил из своей квартиры во двор и смотрел, не горит ли в их окнах свет. Но окна по-прежнему были темны.

И с каждым днем темнота эта становилась все безнадежнее и страшней.

В эти дни старый князь, наверное, вспоминал, что есть Бог.

За эти месяцы и недели старый князь сильно сдал, пришлось поместить его в больницу. Там, в больнице Берзина, он и находился. Так что направить к нему Никиту было никак нельзя.

Принять его, наверное, могли бы друзья семьи, те, кто хранил им верность и дружбу многие годы. И вежливые люди в штатском (когда нужно, в органах во все времена такие имеются под рукой) обошли эти семьи одну за другой.

Оказалось, что каким-то образом все уже знали, что Лобановых арестовали и держат где-то в тюрьме. Поскольку в те времена всем было хорошо известно, что «ошибок у органов не бывает», то из этого следовало, что Лобановы — враги народной власти.

А за одни только контакты, «за связь с врагами народа» многие уже пострадали. От таких нужно было держаться подальше. Им не поможешь,

а себя недолго и погубить. Поэтому само предложение принять в свой дом сына «врагов народа», каждого повергало в смятение. К тому же, кто предлагал-то? Конечно, это проверка. А может, и хуже того — провокация.

Князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский с Никитой. Медицинский сад. София, 1939 г

«Ну, уж нет, — думал каждый, — не на того напали». Оказаться в ловушке, расставленной органами так неуклюже, не пожелал никто. Ради каких-то сомнительных игрищ подставить под удар шаткое благополучие свое и своей семьи? Нет, нет и нет!

Тогда-то в высоких инстанциях и вспомнили о его няне. Елена Ивановна растила Никиту с младенческих лет и была своим человеком в семье. Когда Елене Ивановне объявили там, что могут отдать ей Никитушку, она не раздумывала ни минуты.

— Это мой третий ребенок, — сказала она,
— Он будет жить у нас.

Галина Николаевна Иванюк, старшая дочь няни Никиты, София, 1950 г.

Валентина Николаевна Иванюк, младшая дочь няни Никиты, София, 1950 г.

Муж ее, Николай Миронович, некогда боевой офицер, как и многие русские здесь, перебивался, как мог. Последнее время работал сторожем в русском клубе. Сама же она устроилась туда же посудомойкой. Ниже этой черты — в социальном плане — оказаться было нельзя. Но и выше, по нравственному отсчету тоже. При

всей беспросветной своей нищете, приютить ребенка, которому больше не к кому в мире было идти — выше этого подняться было нельзя.

В тот же вечер милиционер привел к ним Никиту. Волей случая, тот самый, что когда-то забирал его из тюрьмы.

Обе дочери няни, Галя и Валентина, были намного старше Никиты. Так, что когда его привели, какую-то одежду для него Елене Ивановне пришлось выпрашивать у соседей. К счастью, тогда в Болгарии, да и в России, у людей были еще соседи.

В тот же день, когда Никита, доставлен был к няне, в Женеву был направлен официальный ответ, с указанием постоянного места его проживания. Сам же Никита, побыв какое-то время объектом международных интриг (о чем сам он, понятно, и не подозревал), вернулся, наконец, к обычной своей жизни. Это была жизнь маленького человека, которому шел двенадцатый год.

О дедушке своем, князе Иване, Никита в тюрьме вспоминал часто. Что он, как он теперь? Няня рассказала ему, что теперь он живет не дома, а скорее из милости держат его в русской больнице доктора Берзина. Едва оправившись и приодевшись, Никита отправился навестить его.

Князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский с сестрой Ольгой Николаевной и ее дочь Вера Константиновна (в замуж. Харитон). София, 1939 г.

Еще подходя, издали он заметил его на лавочке в больничном дворе и радостно подбежал. Но тот, казалось, не так уж и был ему рад. На какой-то миг ему померещилось даже, что дедушка, может, не узнал его.

— А, появился? — Князь Иван от докуренной сигареты прикурил новую и выпустил едкий дым. — Вижу, подрос немного.

Никита знал, дедушка курил всегда какие-то удивительно злые, ядовитые сигареты, такие как «Енидже вардер-серт» или «Слынце-серт».

Когда Никита, волнуясь, сбиваясь, стал рассказывать ему, что с ним произошло, как держали его в тюрьме, в одной, а потом в другой, тот продолжал невозмутимо курить. Он смотрел не на Никиту, а по сторонам и не задал ни одного вопроса. Страшно было признаться в этом, но, казалось, то был не милый, любимый его дедушка, а совсем другой человек, только внешне и голосом походивший на него.

Уже потом, став старше, Никита начал — даже не понимать, а скорее догадываться, как виделось все это ему, князю Ивану. В жизни его сына и его семьи был для него тот единственный огонек, который мог бы согреть последние одинокие его годы. Они были — единственное, что оставалось в жизни ему после смерти жены. Как он радовался, как был счастлив, когда узнал, что они бежали из этой страны, ставшей с приходом русских для них застенком! Наверное, это были самые счастливые его дни за многие годы изгнания. Когда же до него дошло, что в действительности постигло их, в старом человеке навсегда надломилось что-то.

Между ним и миром возникла как бы стена. Прозрачная, но глухая стена, Из-за нее доносились голоса людей и виднелись знакомые лица. Вот и сейчас откуда-то оттуда, из-за этой стены, на него смотрел и с ним говорил его внук. Но стена оставалась, и он понимал, что так с ним будет всегда, сколько бы ни оставалось ему еще жить.

Возвращаться из больницы домой не хотелось, Никита долго ходил по улицам; просто, чтобы побыть одному.

Попав из семьи, где привычно царил достаток, в чужой дом, он с первого же дня увидел неприглядный и неприкрашенный лик нищеты. Он слышал здесь разговоры о том, где дешевле можно купить картошку, постное масло и огурцы. Он увидел, как все свободное время Елена Ивановна и две ее дочери употребляют на то, чтобы «выглядеть прилично на людях». Они постоянно что-то штопали, перелицовывали и перешивали. Он видел,

как муж Елены Ивановны крепится весь вечер, то и дело поглядывая на часы, чтобы выкурить перед сном припасенную сигарету.

Он замечал, не мог не видеть, что ему отдают лучший кусок. Замечал, как то одна, то другая дочь Елены Ивановны незаметно подкладывают ему в его тарелку. И стараются не смотреть, как он ест.

Именно в те дни в детской его душе стали рождаться планы один фантастичней другого. Главный — как раздобыть много-много денег и купить на них много еды. Один из таких замыслов заключался в том, чтобы подбирать окурки на улицах, выбирать из них табак и его продавать цыганам. Собственно говоря, это была не его идея. Он и раньше на улице замечал ребят, которые занимались этим.

Собрать за день целый пакет окурков оказалось весьма непросто. А самого табака оказывалось в итоге пара горстей. Но зато, когда собиралась добыча за несколько дней, он выручал какие-то деньги и тогда он покупал хлеб или картошку и радостно нес это домой.

Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский после выхода из тюрьмы. София, 1949 г.

Каждый, наверное, может вспомнить, как узнал цену труда, как заработал свой первый рубль. У него это было так.

И, наверное, не так уж и важно, сколько дней или даже недель занимался он этим, да и было ли это вообще. Детские помыслы и мечты имеют такую силу, что обретают реальность независимо от того, произошло это некогда или нет.

Такой же реальностью был и другой его замысел — чистить ботинки на улице. Он видел ребят, занимавшихся этим на центральных улицах и возле гостиниц. Щетки в руках их мелькали как молнии. И главное, пара минут и монета со звоном летит в ящик! Это тебе не окурки возле урн

с утра до вечера подбирать. Идея заняться этим с такой силой овладела им в те далекие дни, что по прошествии лет он и сам не мог уже точно сказать, было ли это с ним в действительности или он только о том мечтал.

Грань оказалась настолько стерта, что некоторые в Софии, впрочем, с его же слов, называют даже место, где на улице Царя Шишмана Никита будто бы чистил прохожим обувь.

Между тем, дни шли за днями, минуло лето сиротской его жизни, без матери, без отца. Наступила осень. Дочь няни, Валентина, рассказывала потом:

— Был март месяц. Я посмотрела в окно и не верю своим глазам. По переулку к нашему дому идут князь Дмитрий и Ирина Васильевна. Никто и не чаял их увидеть в живых.

Тем не менее, чудо произошло. Назвать это иначе тогда было нельзя.

Правда, некоторые плохо верили в чудеса. И еще меньше в бескорыстную доброту властей.

А чего стоил такой штрих: первые дни после освобождения власти разместили Лобановых в отеле «Болгария», одном из самых престижных и дорогих отелей Софии!

Место — не очень обычное место для только что вышедших из тюрьмы вчерашних «врагов народа». И это, наверное, справедливо. Правда, разные бывают «враги».

Старый князь их возвращения не дождался. Он покинул этот при-
скорбный мир за пару месяцев того, унеся с собой все ожидания, надежды и невысказанные слова.

НА СВОБОДУ — В КРЕДИТ, НА ВОЛЮ — В РАССРОЧКУ

Никита думал, что с возвращением родителей, жизнь их вернется в прежнюю колею. Они опять будут жить в квартире на улице царя Фердинанда 7 (затем улица Толбухин, а — ныне Васил Левски; квартире, в кото-

рой они жили до советской оккупации), в центре Софии, где жили всегда. Он снова будет ходить в ту же школу, в свой класс, а вечерами отец будет приходить с работы и у них, как и прежде, будет общий ужин — время, которое он помнил и так любил. Но...

Жить им теперь пришлось на самой окраине, там, где кончался город, и за домами виднелись какие-то пашни и небольшое село. Вместо обширной квартиры, к которой он так привык, с большой гостиной, столовой и ванной, где у каждого была своя спальня, у отца кабинет, а у него комната для занятий, они ютились теперь в одной-единственной комнате. Ее им сдавала семья Егоровых, их все равно должны были «уплотнить», если бы они не пустили Лобановых. Что это значило — «уплотнить», он понимал смутно, но догадывался, что что-то плохое и вопросов не задавал.

И все-таки, среди повседневных событий и обыденных дел жизнь, казалось, возвращается в привычное свое русло. Из «Дневника», который начал вести тогда Никита:

«4.I.1948. Купил я себе зайца, которого держу в подвале.
10-го у меня родились зайчики.

23.I.1948. В 5:30 мы вышли, и я пошел к окнам 1-ого класса, где учится Федя Егоров⁹. Я свистнул, и он меня увидел. Мы вышли вдвоем и пошли покупать книги.

Вернулись мы домой довольно поздно. Но нам не было сделано замечание. После ужина мы уселись на кровать и папа нам читал “Тараса Бульбу”. В 8:30 я лег спать».

Когда Дмитрий Иванович читал им вслух, сидели они на кровати. В комнате, где они ютились все, больше нигде было сидеть. Из разговоров родителей Никита знал, что отец потерял работу и на большую квартиру денег теперь у них нет.

Так в сознании его стала обозначаться схема, на каком-то из поворотов судьбы определившая потом и весь его жизненный путь: есть деньги

⁹ Федя Егоров эмигрировал во Францию с матерью-француженкой.

— все прекрасно, денег нет — жизнь человека жалка и нища. Как всякое упрощение, простота этой схемы не требовала усилий ума, а потому тем более убеждала.

*Федя и Мези Егоровы.
София, 1945 г.*

Из «Дневника» Никиты:

«26.IX.1949. Мы остались без гроша и живем чертовски. Часто недоедаю. Например, сейчас не знаю, чем обедать. Проклятые черти... Вот.

9.X.1950. Нечего есть. На рынке только яблоки. У нас на зиму ничего нет, и я не знаю, как мы ее переживем. Все люди начали топить, а у нас нет угля для зимы.

8.XI.1950. Мы остались совсем без денег».

После тюрьмы принять на работу отца никто уже не рисковал. Перебивался он переводами, но и их оформлять приходилось на кого-то другого. И это была тайна, о ней никто не должен был знать.

С другой стороны, в «народной Болгарии» каждый был обязан работать, даже когда на работу его не принимали и заведомо принять не могли. Поэтому Дмитрий Иванович регулярно обходил места, где его могли бы принять на работу. Там разводили руками: вы же понимаете, мы бы и рады.

Для него действие это было целиком ритуальное, рассчитанное только на то, что, когда в очередной раз его вызовут в Отдел внутренних дел и спросят «Почему вы не работаете?», он со спокойной душой сможет сказать, что, мол, был он там-то и там-то и ему обещали.

Говоря это милиционеру капитану, он, естественно, понимал, что на работу его никто и не собирается брать. И знал, что и тот понимает это не хуже его. Но обоим им, и тому, и другому приходилось играть в эту унизительную игру. Выбора не было ни у того, ни у того. Несвобода палача и

несвобода его жертвы здесь встречались лицом к лицу, и они отводили глаза.

Хмыкнув и поставив где-то у себя птичку, капитан говорил, что тот может идти. До другого раза.

Однажды князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский вышел из дому за молоком в соседний магазин и не вернулся. Исчез среди бела дня.

Такое случалось в те годы в Софии и многие знали, что это значит. Это был способ, которым органы безопасности быстро и без следа изымали неудобных им людей. Исчезнувший не числился ни в каких списках. И никто не мог сказать, где он и что с ним.

В нацистской Германии в семьи, где кто-то был арестован и казнен, по почте приходил счет на несколько марок за исполнение казни. Таким же садистским актом в Болгарии был введенный порядок, по которому родственники исчезнувшего лица должны были обращаться в суд для подтверждения того, что такой-то тогда-то и там-то бесследно пропал.

«П Р О Т О К О Л

Город София 25 декабря 1950 года

Крум Генов — заместитель софийского районного судьи провел открытое судебное заседание с участием секретаря суда Н. Лазарова и прокурора Белчо Белчева, на котором было рассмотрено частное гражданское дело № 616, согласно описи 1950, часть II.

Согласно персональному вызову на рассмотрение настоящего дела явились истица Ирина Васильевна Лобанова с адвокатом Георги Георгиевым.

Суть дела была изложена в ходе рассмотрения.

ПОСТАНОВЛЯЕТСЯ:

Объявляется об исчезновении Дмитрия Иванова Лобанова-Ростовского, проживавшего по адресу: София, ул. Мерфи, № 6, Красное Село; дата, с которой считать его пропавшим 18-е августа 1948 года.

Настоящее решение не считается окончательным и может быть обжаловано в Софийском городском суде в двухнедельный срок, о чем сообщено истице.

Заместитель окружного судьи
Копия верна

(подпись) К. Генов
Секретарь (подпись)

НАСТОЯЩЕЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВСТУПИЛО В ЗАКОННУЮ СИЛУ».

Среди тех, кто в свое время искренне были рады их чудесному возвращению, были и давние их друзья — Ратиевы, семья из древнего рода грузинских князей Раташвили. Лобановы-Ростовские часто бывали у них.

Сами Ратиевы, как и все русские белоэмигранты, числились на особом счету у новых властей. Болгарская госбезопасность, филиал советского КГБ, с них не спускала глаз. Любой разговор, каждое слово, все бралось на учет, оказывалось в досье.

Л. 32 «Отдел 2, секция 5. София, 19 февраля 1952 г.

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

относительно мнения Александра Ратиева¹⁰
о корейских детях.

Доносит агент “Марина”,

принял в письменном виде

младший разведчик К. Николов

14 февраля в 19 часов, явка “Радецки”.

“13 февраля 1952 года источник посетил дом семьи

Ратиева в вечернее время...”»

Л. 59 «Отдел 2, секция 5. София, 19 февраля 1952 г.

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Относительно разговора в котором участвовали

Ратиевы, Пулиевы¹¹ и Блек¹² о введении

комендантского часа в Софии в связи

с распространением враждебной карикатуры.

Донесение от агента “Марина”

принял К. Колев 22 июня 1952 г.

Явка “Радецки”.

В пятницу 13 июня 1952 года...»

¹⁰ Александр Леонидович Ратиев (р. в 1898 г., Ялта – ум. в 1981 г., София). В эмиграции владел мебельной мастерской, сам работал краснодеревщиком; был директором деревообрабатывающего предприятия «Лингум» (1947–1949), затем – главный инженер-проектант в ТПК «Народна Мебел». (Думин Ст., Гребельский П. Дворянские роды Российской империи. Т. IV. М. 1998. С. 191). А.Л. Ратиев — автор интереснейшего документа эпохи, мемуаров «То, что сохранила мне память» (София, 1999).

¹¹ Кочо Пулиев — дипломат, болгарский консул в Бухаресте.

¹² Блек (псевдоним) — русский карикатурист, работал в софийских газетах.

Выписки эти из Дела, хранящегося в Архиве болгарского КГБ, уже в наши дни сделал сын Александра Ратиева — Леонид. В те годы он и Никита были друзьями.

На титульном листе Дела, под грифом «совершенно секретно» дана расшифровка того, кто обозначался в «донесениях» как «источник». Там против кодового обозначения «МАРИНА» стоит: Ирина Васильевна Лобанова. Одних, попавших к ним в руки, органы с ходу «ломали через колено» и брали «подписку о сотрудничестве». Другие (величайшее исключение) проявляли строптивость, иногда до конца. Своего конца, понятно. Но находились и такие, кто надеялся органы «переиграть».

К примеру: кто-то, понимая безысходность своего положения, дает «подписку» в обмен на свободу. Его, действительно, выпускают и все диву даются, как это удалось ему ускользнуть из их рук. Но тут вдруг выясняется, что, оказавшись на воле, он быть «источником» вроде бы не желает.

Князь Леонид Александрович Ратиев

Конечно, не говорит «нет», но явно пытается уклониться. И думает, что он такой умный, перехитрил всех и что это сойдет с рук.

Не тут-то было.

Такого органы не прощали. Прием «заложника» был проще всего. Арестовывали кого-то из близких, самых близких и любимых — мужа, сына, мать. И говорили: «Вы можете оправдать наше доверие и тем самым спасти близкого вам человека».

В такой ситуации отказаться уже не мог никто.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

После того, как они перебрались в пригород, новому скорбному их положению соответствовала и школа, в которую Никита теперь попал.

«10.IX.1948. Меня хотят записать в болгарскую школу в Княжево. Мне очень не хочется, но что делать?

21.IX.1948. Я очень доволен, что не хожу в болгарскую школу, потому что надо было бы остричь волосы до черепа».

Тем не менее, неизбежное произошло. Он был зачислен в школу. И, самое главное: «...Меня заставили в школе сбрить голову. Мне страшно неприятно так ходить».

Большинство учеников в новой школе составляли дети из бедных семей этой окраины. Им самим, да, наверное, и их родителям непонятно было, зачем в школе засоряют им голову ерундой, которая в жизни явно не пригодится

И в этом, возможно, они были и правы. «Кто умножает познание, тот умножает скорбь». Всякое знание — бремя. Бесполезное же, тем более.

На одном социальном и интеллектуальном полюсе в классе было человек пять—шесть, в том числе и Никита. На другом — остальные. И между этими полюсами время от времени пролетала искра.

После уроков иногда они устраивали поединки — дрались портфелями. Кто с кем. Старались, правда, чтобы силы были равны и чтобы все было по-честному. Но «классовая ненависть» временами и здесь брала свое.

Кто-то, «с другого полюса», припас железный кусок трубы, и в разгар баталии пустил его в ход. Сделано это было только один раз и только против одного — Никиты. Ему сломали руку. На подростках, как на кошках, все заживает быстро, но несколько недель пришлось все-таки проходить в гипсе.

Был ли это симптом? Наверное, да — хотя ни сам Никита, ни тот, кто исподтишка ударил его, этого не признавали.

Да и как было не ударить железной трубой по этой руке, одетой в темно-зеленый бархатный французский пиджак поверх шелковой белоснежной сорочки, да еще с галстуком каких-то невообразимых тонов?

Можно ли было не ударить? Конечно, все знали, что все это присылает ему из Парижа французский его дед, но это не могло примирить. Скорее на-

оборот. Мало того, что ходил он в ботинках «made in USA», мало того, что носил часы, которых, кроме Никиты не было в школе ни у кого, так еще и дед в Париже! Под гипсом сломанная рука болела.

Любомир Левчев за партой. 5-е единое училище. София, 1949 г.

Один из тогдашних соучеников Никиты, Любомир Левчев, в будущем известный болгарский писатель, так вспоминал потом то время:

«В те времена Пятое единое было чем-то совершенно невообразимым...

Многие были попросту выгнаны из других гимназий. Присутствовали и ломбровские физиономии, ходившие с ножами и наточенными отвертками и не особенно скрывавшие их. Педагоги, в свою очередь, были неким коктейлем, вполне соответствующим этой опасной компании. Некоторые были опытными, но политически неблагонадежными учителями еще старой школы. Как два беглеца или новичка мы не могли занять подобающее нам место в этом

обществе».

Конечно, Никита постоянно чувствовал этот барьер. И только открытый, общительный его характер помогал преодолевать отчасти это скрытое отчуждение, а то и вражду. Эти общительность и открытость — не так уж и важно, действительно, ли были в его натуре или это была лишь маска, которую ради собственного комфорта и выживания привык он носить с тех школьных лет. За годы она приросла к нему. Это стало вторым его «я». И в этом втором его «я» Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский и по сей день для всех отстраненно-любезен, общителен и открыт.

Что же касается первого его «я», то за давностью лет, возможно, он и сам, наверное, позабыл и потерял его.

Эмоциональный мир подростка куда насыщенней и напряженней того, в котором привычно живет взрослый. Каждый завтрашний день таит неожиданность, несет что-то новое, а главное — обещает его.

Запись из «Дневника» Никиты:

«23.I.1948. Утром встал, как всегда, в 8 ч. После завтрака сел учить уроки. Потом с Федей¹³ пошли в школу (французскую). Там надеялся увидеть Светлану, но ее не было. Я сел на скамейку и начал учить le verb [глагол]. Пробил звонок и мы вошли в класс».

В новой жизни его утешало то, что Платон, давний его приятель из прежней школы, по счастливой случайности опять оказался с ним в этом классе.

Для самого Платона совпадение это имело последствия, во многом определившие весь его жизненный путь и судьбу.

Другими из тогдашних сверстников, с кем все тот же случай тогда снова свел Никиту, были Ян Шпиллер¹⁴ и Любомир Левчев, которого я уже упомянул. По партам рассаживали по росту. Никита вытянулся за лето и на последней парте они оказались рядом.

*Светлана Тимофеева.
София, 1949 г.*

У Любомира была привычка улыбаться время от времени каким-то своим мыслям. Конечно, это был не повод, чтобы невзлюбить его. Хотя самому Никите временами казалось, что тот нарочно его злит. Но все было не так просто. По каким-то неведомым признакам, смутным знакам, они догадались о некоем тайном своем родстве. И с этой минуты скрытое соперничество и состязательность на долгие годы связали их нерасторжимее самых дружеских уз.

Это были как бы две разные жизненные программы, воплощенные в этих двух подростках. Совпадения, несовпадения и тайный антагонизм этих двух программ неизбежно выливались в симпатию, антипатию и про-

¹³ Эмигрировал во Францию с матерью-француженкой.

¹⁴ Ян Всеволодович Шпиллер — эмигрировал с семьей в 1950 г. в СССР, был дирижером симфонического оркестра в Красноярске, скончался в 2004 г.

тивостояние между ними. Хотя самим им — и Никите, и Любомиру — представлялось, будто это сами по себе они спорят между собой, мирятся, ссорятся и дружат.

Ян Шпиллер. София, 1949 г.

Любомир уже тогда, подростком, был очень чуток к тому, как относятся к нему другие: соседи, учителя и вообще все, кто его знал. Ему было важно, чтобы его любили. А, лучше бы, восхищались, и следовали за ним.

Для Никиты же все это было настолько важно, что он делал вид, будто ему это все равно. И это обманывало многих. Как вводит порой в заблуждение и по сей день.

Так что, хотя в отличие от Любомира, Никита никаких усилий тому как бы не прилагал, другие почему-то ему подчинялись и следовали за ним, он безусловно был лидером. Происходило

это как-то само собой.

Так было, когда в один прекрасный день им овладела идея заниматься спортом серьезно: плавать или играть в хоккей. А буквально через неделю-другую к этому приобщилось уже полкласса. Все разговоры стали теперь о стиле брасс, стиле кроль или баттерфляй. Все споры — о чемпионах по плаванию — кто каким стилем, кто лучше, а кто слабей. А уж когда наступало время городских или общеполитических соревнований, не было более важных событий и более волнующих новостей.

Загадочный мир минералов не напрасно манил их. После нескольких дней, проведенных в походе в Родопских горах, подросток превращался в ревностного хранителя небывалых сокровищ, невиданных по своей красоте: это были искристые кристаллы кварца, горного хрусталя или полевого шпата, зеленые вкрапления малахита, переливающиеся всеми цветами об-

разцы неразгаданных, непонятных горных пород. Каждый из минералов в глазах ребят имел свою цену и на переменах шел постоянный обмен — обломок полевого шпата на два камушка малахита или наоборот — в зависимости от того, в каких местах побывали они последний раз. У кого собиралась большая коллекция, тому по-хорошему завидовали и его уважали.

Светослав Петрусенко и Никита. Витоша, 1975 г.

Никита увлекся минералами благодаря Свету Петрусенко¹⁵ (черный Свет), а потом передал эту «болезнь» остальным — Платону, Христо Пулиеву¹⁶, Святославу Докучаеву¹⁷ (белый Свет), Леониду Ратиеву, которые впоследствии стали

профессиональными геологами.

Никита и раньше еще, в старой школе собирал разные камушки на склоне горы. Когда же, заметив его интерес, отец подарил ему книгу Ферсмана¹⁸ с цветными картинками и описанием минералов, неведомый мир распахнулся вдруг.

Из общего этого увлечения усилиями учителей как бы сам собою возник кружок. Возглавить его пригласили комсомольца, студента-геолога, Ивана Паякова. Он отнесся к делу ответственно и сознательно. Поэтому, когда встал вопрос, принимать или не принимать туда Никиту, поначалу

¹⁵ *Святослав Петрусенко* — доцент, служил в Национальном музее природоведения в Софии, живет в Софии.

¹⁶ *Христо Пулиев* — сын дипломата Кочо Пулиева — блестящий геохимик; скончался преждевременно от злоупотребления алкоголем.

¹⁷ *Святослав Докучаев* — геолог, работал в Алжире, ныне пенсионер, живет в Софии.

¹⁸ «Занимательная минералогия» академика Александра Евгеньевича Ферсмана.

Иван был категорически против. Аргумент его был совершенно неопровержим и совершенно в духе той эпохи:

Христо Пулиев во время экскурсии в Родопях, 1950 г.

— Лобанов, каждому видно, буржуй. А нам с буржуями не по пути.

В своем неприятии, он был, конечно, искренен. Называя князя «буржуем», он, может, и не понимал, насколько это комично. Но классовая ненависть не выбирает слов. Зато она не слепа, она видит и подмечает все:

— Посмотрите, как он одет! Узкие брючки со штрипкой, куртка, явно не наша, да еще с капюшоном. Да кто в Народной Болгарии одевается так?

Все было правильно. И брюки в обтяжку, и куртка с капюшоном, в каких там тогда не ходил никто. Правда, к счастью, на этот раз оказалось, все это было болгарское, а не из Парижа. В клубе, где он занимался плаванием, был еще и хоккейный кружок, куда он тоже ходил. Там и выдали ему эту униформу.

Не окажись в ту минуту Платон со студентом рядом, не убедил его в этом, так и не приняли бы Никиту. Это его-то, который эту кашу сам заварил.

Вообще-то, по некоторому отсчету, должно было бы произойти именно так. Как еще одно из евангельских изречений о пророке, которого нет в своем отечестве. На этот раз почему-то этого не случилось.

Правда, до последней минуты шансов у Никиты было все-таки мало. Хотя «органы» не признавались ни в чем, все знали, почему отец его вдруг пропал. Никита был «сыном врага народа». Вспоминает Любомир Левчев:

«И вот в “каменный штаб” вызван кандидат в поход князь Никита Дмитриевич Лобанов–Ростовский. Мы побаивались, что он не сможет пройти это испытание. Я предполагал, что Паяков задаст ему вопрос на засыпку. Например: “Кто Генсек Монгольской компартии?” И я все время говорил Никите, что имя генсека Чойбалсан. Наступила решающая минута встречи с Паяковым, и Никита превратился в какого-то мотылька. Вел он себя, как Иванушка-дурачок. Паяков глядел на него с любопытством, но без злобы. Вместо того, чтобы пить из Никиты кровь или наслаждаться его прощальным визгом, он взял образец минерала и бросил его Никите. Он ловко его поймал, так как был пловцом и ватерполистом.

— Что это?

— Пирит.

— Пирит или халькопирит?

— Пирит.

— Почему?

— Форма кристаллов, цвет, присутствие кварца...

Паяков засмеялся и сказал: “Хорошо, я принимаю тебя в свою группу, готовься”»¹⁹.

Для Никиты это было событие. Это, действительно, было событием, по-новому наполнившим его жизнь. Через несколько дней он писал в своем «Дневнике»:

«23.III.1949. С нетерпением жду утра. Рассвет. Я поехал на вокзал. Там было довольно мало студентов. Профессор Иван Костов²⁰ и его ассистент²¹ еще не пришли. Наконец к 8-ми часам мы тронулись поездом. Немного перед Искарским ущельем я заметил зонды, и мне сказали, что там ищут уголь. Входя в ущелье, очень ясно было видно состав гор: “красный песочник”, или “бундзендштейн”, как его называют в Германии. Через час бундзендштейн начал заменяться глиной, которая очень сильно прессована и содержит углерод. Из нее делали раньше доски для писания в школах. Наконец, село Бов. Все выходят из поезда. Выйдя направо от вокзала, профессор нас собрал и сказал нам цель нашего путешествия, и что мы сможем найти. Продолжая путь по той же самой дороге, мы пришли на первую каменоломню, которая самая безынтересная. Там можно было найти только листовидный кварц. Дальше, по дороге, уже можно было найти правоклинные кри-

¹⁹ Левчев Л. Убить болгарина. София: Болгарский писатель, 1987. С. 254.

²⁰ Иван Костов — академик, один из лучших минералогов мира, автор многих монографий, переведенных на английский, русский, японский и другие языки.

²¹ Иорданка Стефанова-Минчева — старший научный сотрудник, специалист по изучению рудных материалов.

сталлики кварца, а в последней каменоломне, были уже руды: халькопирит, малахит, гематит и много других. Собирая руды, Свет заметил несколько пещер на вершинах, на которые он мне предложил подняться. Я не захотел, но он умудрился подняться и принес оттуда несколько сталактитов. В час мы вернулись на вокзал, где пообедали и отдохнули до 2:30. Потом мы пошли в противоположную сторону и дошли до одного притока Искры и поднялись по нему около 200 м. Тут мы остановились. Профессор Костов предложил некоторым подняться наверх и найти одну гематитовую мину. Так как мой ранец был уже полон, я не поднялся, но Свет пошел... Свет был счастливым. Он поднялся и нашел месторождение кристаллов кварца. Он сошел совсем изможденным, но зато принес чудесные кристаллы. Профессор Костов хотел взять одну из его находок, но оставил ее. Вечером мы приехали очень довольные и счастливые, потому что делали планы, когда нам туда поехать специально для кварцевых кристаллов. И, надеюсь, если в воскресенье мы не поедем куда-нибудь, то поедем туда».

*Никита Лобанов—
школьник. София, 1949 г.*

Теперь каждое лето все они по несколько раз отправлялись в горы. И не просто в горы, а в экспедицию! Всякий раз это было событием, о нем рассказывали другим, его вспоминали потом целый год. Спали на турбазах или вообще, где придется, варили обед на костре — а что может быть прекрасней, когда тебе 13–14 лет?

Вечерний костер, искры летели вверх. И у всех впереди целая жизнь.

Пели разные песни, много русских — «Три танкиста», «Катюшу». Тогда все русское в Болгарии было «в моде». Как сегодня американское. Но не только пели, не только ходили в походы.

Новое, совершенно новое, чего не было еще никогда, приходило в жизнь и властно подчиняло себе. Запись из «Дневника»:

«26.VI.1950. Под конец триместра, во время английского урока, к нам в класс начали приходить стажерки. Мне с первого раза бросилась в глаза одна из них. Я подумал с ней познакомиться. Почему-то и она меня тоже заметила. И так мы с ней познакомились. Я ее встретил в коридоре и предложил встречу. Она пришла. Первые две встречи сис-

тематически запаздывала. Но сейчас перестала. Она кончила филологию и много читала. Но не знаю, все-таки, что она за человек.

Очень страстная. Мне она нравится, но я ее не люблю. В воскресенье вечером я с ней снова встречаюсь. Думаю, что скоро будет конфликт».

Не первая любовь даже. Да и вообще, наверное, не любовь. Первая женщина, так все просто.

Увлечение плаванием через год-другой у большинства тихо угасло. Но не у Лобанова. Возможно, причиной этого постоянства оказался его рациональный склад ума. Ему было просто жаль усилий, которые он в это дело вложил. Столько тренировался, и что же — все это бросить, оставить на полпути? Вложения должны принести результат. Слово «дивиденд» он узнает позднее, но на языке подсознания и инстинкта, понятие это было, видно, знакомо ему уже тогда.

Он, единственный из класса, продолжал регулярно посещать все тренировки, соревнования и сборы. Геология — геологией, а баттерфляй — баттерфляем. Правда, давалось все не просто. «13.IV.1950. Я просто не знаю, от чего я так часто болею, — писал он в своем “Дневнике”. — Я не тренируюсь. А какой будет результат? Слабо ли я питаюсь и потому часто болею? Ничего не понимаю».

Трудно сказать, что двигало им тогда. Юношеский азарт? Неспособность сдаться и отступить, как сделали остальные — без особого раскаяния и терзаний? Или уверенность, что он не такой как все? И уверенность эта таким образом пыталась проявить себя? Как бы то ни было, сейчас вспоминает он — «тренировался я до умопомрачения, по шесть часов в день даже в выходные дни, иногда в день проплывал до четырех километров».

В итоге усилия и упорство были вознаграждены. Он получил свой «дивиденд». Наступил день, когда он записал в своем «Дневнике»:

Никита. Бассейн Мария Луиза в парке Царь Борис. София, 1950 г.

Никита — чемпион Болгарии (юноши) на 100 и 200 метров брассом. Дом-музей Лобановых-Ростовских. Филевский парк. Москва

«16.V.1950. Уже неделя, как кончились городские плавательные состязания. Это первые состязания, в которых я взял первое место на 100 и 200 метров брассом. Я получил две золотых медали».

Позднее он вспоминал, что подтолкнуло его к плаванию первоначально. Толчком послужили слова врача, который осматривал его после тюрьмы:

— С таким рахитичным сложением тебе бы лучше заняться физкультурой.

Плавая помногу часов каждый день в Черном море, он стал догадываться, что перед ним открывается новый путь. На самом юге, у реки Ропотамо, на берегу есть научная база, откуда морем можно было бы доплыть до Турции. Если, конечно, не перехватят пограничные катера.

Мысль эта засела в его сознании, но он не делился ею ни с кем, даже дома. Это был вариант для него одного. На последний, на самый крайний исход.

Когда в 1998 г. в России вышел фильм «Восток–Запад», князь был поражен, насколько там оказалось, то, что могло бы оказаться и его судьбой: герою фильма, тоже пловцу, после всех

испытаний социализмом, в конце концов удается бежать на Запад, тем же путем, о котором думал когда-то и он — Никита.

Делать одно, а помышлять и мечтать о другом — была ли все это как бы двойная жизнь? Безусловно — да. Помимо воли его.

Катрин Денев и Никита Лобанов. Лондон, 2002 г.

Когда в школе ему приходилось учить историю партии русских большевиков, историю Болгарской компартии, он отвечал на уроке, как и другие, произносил те же заготовленные слова, что были в учебнике.

Но то, что думал при этом он сам, да и задумывался ли вообще,

этим он не делился ни с кем. Только однажды учительница, тов. Конева, которая вела этот предмет, говоря с Ириной Васильевной, призналась ей:

— Никита внимательно слушает, когда я объясняю. Очень внимательно. Но, когда я вижу его глаза, я спрашиваю себя, а не смеется ли он надо мной в душе?

Замечено было справедливо.

Правда, он не смеялся, нет. Он просто привычно жил той двойной жизнью, как система заставляла его жить. Как, впрочем, и его родителей.

Его мать, Ирину Васильевну, прежде всего.

Эта двойная жизнь была ценой выживания, эту цену платил каждый из них.

Заплатив эту дань системе, они полагали, что тем самым купили право на жизнь. Как они ошибались!

ПОСЛЕДНИЙ РЫВОК

Мир подростков, в котором проводил свои дни Никита, был той вселенной, где взрослые присутствовали как бы лишь на обочине бытия. Этот мир жил своими событиями и по своим законам, основной из которых гласил: «Оставьте нас все в покое!» Это то заклинание, тот девиз, под которым подростки пытаются жить всегда.

«16.V.1951. Через 11 дней мы кончаем гимназию, и все-таки я ничего не учу. Как я окончу, не знаю.

4.VIII.1951. Прочитал записи прошлого года. Мне кажется, что ничего в моей жизни не изменилось. Я, как всегда, сплю мало, всегда занят и не учусь. Живу так — поверхностно. Теряю время. А жалко, очень жаль, потом будет поздно. Надо читать пока есть время...

Воскр., 6-го января 1952 года. Да, сегодня был день моего рождения. Семнадцать лет. Как быстро летят годы, и как, в общем, ничего не успевает человек сделать за это время.

8.3.1953 г. Не знаю, как выдержу до конца школы. Про университет перестал и думать. Придется работать где-нибудь. Но дадут ли мне работу? Просто теряюсь.

Думаю начать делать почаще фотографии. От них не такая уж большая прибыль, но хоть регулярная. Христо Пулиев последнее время начал продавать маленькие бутылки.

Мне приходится продавать свои минералы. Сегодня продал свой самый большой кварцевый кристалл (42×35 мм) за 1500 левов. На эти деньги надо будет жить до конца недели.

23.VI.1953 г. Итак, окончил я школу, и стало мне все-таки гораздо легче. Нету постоянно этой мысли, как бы не увидел меня учитель, или какой-нибудь неблагожелательный соученик. Но будущее как-то в дыре. Снова ждем ответа на выезд, и снова, наверное, он будет отрицательный» («Дневник»).

После исчезновения мужа у Ирины Васильевны единственным светом в окошке оставался теперь Никита. И одно желание и надежда — увезти его на Запад. Уехать хотя бы с ним одним в Париж, к своему отцу. А, может, если повезет, и с мужем. Но на все ее обращения ей отвечали расплывчато и туманно. С одной стороны, им ничего не известно и ни по одному из списков такого арестованного нет. А с другой, раз-другой давали понять, что, в конце концов с ним будет все хорошо, если она «оправдает доверие», которое оказано ей.

По мере того, как время шло и годы сменяли один другой, надежда эта то исчезала, то вспыхивала опять. Ирина Васильевна продолжала ждать мужа и надеяться даже тогда, когда у нее был обнаружен рак груди и сделана операция. Наверное, она, догадывалась, что это только отсрочка. Но все-таки надеялась дожить.

Несколько раз к ним приходили какие-то личности, побитые жизнью, и говорили, что встречались с Дмитрием. Что он, мол, дал ее адрес и просил зайти. Сам он в таком-то лагере, на пересылке или еще где. Кто-то из общих знакомых встречал князя в Казани и якобы разговаривал с ним. Кто-то видел его даже на каком-то вокзале в Сибири.

Последним пришел одноглазый хромой старик. Его племянник, тоже русский, был в заключении в Советском Союзе, в лагере под Карагандой. В письме, что он передал на волю, среди прочего он писал, что встретил здесь князя Дмитрия, который и назвал болгарский адрес его жены. По нему старик и отыскал их. Смятое, расправленное и тщательно, видно, хранимое им письмо он принес с собой.

Всякий раз такое свидетельство или слух, что кто-то встречал или видел его, возвращали надежду. Главное — был бы жив. Тогда остается шанс.

«8.XI.1950. Мне очень тяжело без папы. Это был человек — золото. Я это говорю, не потому что он мой отец. Я это слышал и от всех людей, которые его знали. Каждый день мне приходится обращаться к нему. Мама — слабый человек. Она на меня не может повлиять, и потому, может быть, я и вырасту хулиганом. Мне очень лень учиться. Но раньше знания дополнялись у меня в разговорах с отцом. Я не знаю, куда его отвезли эти сволочи» («Дневник»).

Князь Дмитрий, узник без имени, имеющий только номер, был помещен в особо секретный лагерь где-то под городком Пазарджик. Лагерем ведали не болгарские органы, а НКВД из Москвы.

Однажды в 1952 г. какой-то генерал на Лубянке между всех остальных дел подписал приказ об операции, обозначенной кодовым словом. Через сутки, на самом рассвете, все, кого в лагере содержали, были расстреляны. Когда это было сделано и могилы разровнены, всех, кто выполнял это, собрали между бараков на пяточке и изрешетили из пулеметов. Потом пришли саперы. Что можно, взорвали, что горело, сожгли и разровняли

бульдозерами. Они же, саперы, засадили все это место деревьями. Сейчас там лес. Просто лес, как, если бы и не было никогда ни лагеря, ни убитых там.

Говорит сын расстрелянного князя, Н.Д. Лобанов-Ростовский: «Уцелел только один гэбэшник, который был начальником лагеря и от которого я все это узнал. Он тогда был уже в отставке, жил, как почтенный человек в городе Старая Загора, в Болгарии».

Ни рассказывать, ни вспоминать об этой встрече Н.Д. Лобанов не любит.

В 1992 г. ему была вручена бумага, которая гласила: «Проверка в Архиве МВД установила, что Ваш отец, Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский без суда и судебного решения был помещен в “специальный лагерь” Пазарджик в 1948 году, где и скончался 13 октября 1948 года.

По сведениям МВД, Дмитрий Иванович Лобанов скончался в “специальном лагере” П. В результате режима, существовавшего там».

По странной случайности — не иначе, после того, как это произошло, люди, которые видели князя то здесь, то там, перестали к ним приходить.

Те, кто работал в органах, были по-своему дальновидны. Они не могли не предвидеть, что рано или поздно надежду она потеряет, а с ней и стимул «оправдывать их доверие». И тогда-то, чтобы понудить ее выполнять роль, что была навязана ей, необходим будет новый импульс и новый «заложник». Единственной кандидатурой на это был ее сын. И жертву готовили на заклятие профессионально, не торопясь.

Пока же плелась для него петля, сам Никита, как и полагается жертве, не подозревал и не догадывался ни о чем. Именно в те дни жизнь его исполнена оказалась той полноты, которая и появляется, казалось бы, только затем, чтобы, тем мучительней было потом вспоминать о ней, ушедшей и потерянной навсегда.

«5.IX.1952 г. Давно я не писал, а сейчас так много мог бы я написать про себя. Самое главное — это, что я встретил в поезде, едя в Варну одну бабу, в которую влюбился. То, что для меня случай весьма редкий. Ныне я жду ее с большим нетерпением. Она должна приехать четырнадцатого. 14.IX.1952 г. ...сегодня приезжает Лили²² из Варны. Я побрился вчера в первый раз. Очень неприятное ощущение».

Еще неприятней, наверное, бывает, когда бреет тебя кто-то другой. Заключение бритвы не доверяют и бреет его по надзору охраны кто-то из таких же зеков, как он.

Из копии допроса Николая Иванова Лобанова-Ростовского, проведенного по поводу его связи с французской разведкой²³.

«Зовут меня Николай Иванов Лобанов-Ростовский, рожден 6.6.1890 года, из семьи Лобановых Тульской губернии, Россия. Русский, болгарский гражданин. О французском вице-консуле Лоппе сообщаю следующее:

Как только он прибыл в Софию в 1949 году, он начал искать контактов с моим племянником Никитой, хотя ему было тогда еще четырнадцать лет. В начале я подозревал, что это могут быть гомосексуальные намерения, хотя он был женат и имел троих детей. Он приглашал его в свою канцелярию и домой раз в неделю. И при этом не искал встреч с его матерью, Лобановой-Ростовской или со мной. С ним я познакомился только полгода спустя. Тогда я думал, он делает это по поручению деда Никиты, Василия Васильевича Вырубова, который возможно искал сведений о своем внуке. Потом я узнал, что Лопп познакомился с друзьями Никиты, Леонидом Ратиевым и Константином Раппопортом, и посещает квартиру Ратиевых. Произвели впечатление слова Лоппа, сказанные Никите два-три месяца тому назад, что предполагается новый шпионский процесс против французской миссии.

Поэтому Никита не должен больше ходить к нему в миссию, а будут встречаться где-то в другом месте...

Все это я написал собственноручно и за верность отвечаю.

Николай Иванов Лобанов-Ростовский

23 февраля 1951 года». (Архивный № 229601).

²² Лили Асенова (в замуж. Атанасова; ум. в 2001 г.).

²³ Николай Иванович Лобанов-Ростовский (р. 6.VI.1890, Россия — ум. 9.II.1969, Франция) — дядя Никиты.

Князь Николай Иванович Лобанов-Ростовский, брат отца Никиты. София, 1937 г.

Князь Николай Иванович Лобанов-Ростовский Концлагерь на острове Белене на Дунае. Зарисовка заключенного, 19 февраля 1950 г.

К допросу приложена была приписка: «с Кристофом Лоппом из французской разведки Леонида Ратиева познакомил Никита Лобанов». То, что сделал это именно Никита Лобанов, было донельзя кстати.

И уж весьма кстати для тех, кто готовил его дело, было и то, что и «ис-

точник Марина» подтверждал, что Лопп — французский шпион.

«Управление II, Разведывательный отдел,
Отделение II Р.И., секция/е, 4 Т.О.

РАПОРТ

Получено от агента "Марина"

“Марина” сообщила некоторые данные, которые убедительно уличают вице-консула французского посольства Лоппа в разведывательной деятельности.

Прежде всего она указала на его стремление установить связи с молодежью. Сообщила также, что в феврале 1951 года появился неизвестный ей молодой человек из приграничной зоны, который искал встречи с Лоппом.

Встреча эта состоялась в доме русских белоэмигрантов Ратиевых, по адресу улица Вл. Займова № 22 и, как поняла “Марина”, речь шла о провале какой-то организации в приграничной зоне.

Младший разведчик Д. Митев
30 июня 1952 г. София»

Кристоф Лопп, вице-консул Французского посольства в Болгарии и Леонид Александрович Ратиев, 1950 г.

Получалось, что Кристоф Лопп, действительно, французский шпион, который ведет работу с какими-то подпольными, подрывными организациями. А Никита Лобанов-Ростовский тесно связан с ним и выполняет, как можно понять, какие-то его за-

дания. Так сами собой концы сошлись с концами и складывалась картина, в которую даже сами ее создатели не верить уже не могли.

В марте 1953 г. Болгария, как и весь Восточный блок, была погружена в траур: из жизни ушел И.В. Сталин. Вместе с другими Никита стоял на торжественной школьной линейке. Учителя, не стыдясь своих слез, говорили о смерти вождя. Ученики — многие, почти все, плакали тоже. И это было искренне.

А в тот же день во Франции в одном из цехов концерна Шнедер происходило совершенно другое событие, бесконечно удаленное, казалось бы, от Лобановых-Ростовских и их судьбы. Там завершалась сборка двух электровазов, которые должны были поступить в Болгарию. Игрою случая, волей непостижимых обстоятельств и сил — именно два этих электроваза оказались тем — непонятно чем — что на какие-то пару минут приподняло, наконец, перед ними край «железного занавеса». И этого оказалось достаточно, чтобы Ирина Васильевна и Никита, успели под ним проскочить.

То, что Лобанова имела французский паспорт, формально давало ей повод время от времени просить и просить повторно, чтобы ее с сыном от-

пустили на родину, в страну своего гражданства. И усилий этих она не прекращала.

Обращения эти и апелляции шли под некий «надоедливый аккомпанемент» из Парижа. Дело в том, что в Болгарии Лобановы были не одни. И французская сторона при каждом удобном случае напоминала Болгарии, что на ее территории находится столько-то французских граждан, уже много лет тщетно добивающихся права вернуться на родину. Но и Софии упорства было не занимать. В мире тогдашнего противостояния малейшая уступка, любой компромисс понимались, как слабость и капитуляция.

Внешне события между тем развивались так. Электровозы, которые Болгарии были так нужны, проходили последнюю обкатку в депо.

В Софии же в то время вторым лицом после посла Ж.А. Париса был Ромен Гари²⁴). Именно ему по долгу службы приходилось высказывать регулярно претензии болгарским властям по поводу французских граждан. Будучи «человеком пера», писателем, Ромен Гари старался вложить в свои апелляции и демарши не только логику дипломата, но и красноречие, и пафос литературного своего таланта. Тем обиднее было ему всякий раз получать в ответ такой невыразительный и унылый текст, что появлялось сомнение, а читает ли вообще болгарская сторона, то, что с таким пылом он сочиняет. Это был бег по замкнутому кругу.

Ситуация, навязанная ему, была поединком полемического таланта, острого взрывного ума с безликим клерком из болгарского МИДа. Для Ромена Гари это был безнадежный разговор со стеной. Разговор бессмысленный и, главное, унижительный. А этого-то француз, он же по происхождению польский еврей, перенести не мог.

²⁴ *Гари Ромен (Gary Romain)* (р. в 1914, Москва – ум. в 1980, Париж) — в годы 2-й мировой войны участник Сопротивления, известный французский писатель, автор многих популярных романов; герои его книг утверждали высокие идеалы благородства, верности и любви.

Комбинация, которая пришла в его светлую голову, была предельно проста. Она могла сработать, могла бы и нет.

Если бы комбинация не сработала, он, очевидно, терял бы свой пост и должен был бы поставить крест на карьере. Но при том имел бы повод уважать себя. Она сработала.

На пути электровозов в Болгарию была Вена, разделенная тогда на четыре оккупационные зоны: советскую, английскую, американскую и французскую. Во главе каждой стоял комендант. Когда электровозы прибыли в Вену, во французскую зону, господин заместитель посла позвонил коменданту, французскому генералу, и сказал, что в документы по их оплате, в банковский аккредитив, вкралась неточность.

Пока он разберется в этом недоразумении, пусть электровозы постоят в Вене, под его охраной. Генерал взял под козырек. Он знал, кто такой Ромен Гари, который прошел всю войну бок-о-бок с де Голлем, и не видел повода отказать ему.

Ромен Гари построил интригу по той же логике, по которой строил сюжеты лучших своих книг. Как и было рассчитано, недоумевающие болгары вскоре заявили в посольство, осведомляясь, что же произошло. Рассказывают, что разговор выглядел примерно так:

Болгарская сторона:

— Мы узнали, что два электровоза, которые были заказаны у фирмы Шнедер, остановлены во французском секторе в Вене. Когда они смогут отправиться в путь?

Ромен Гари:

— А когда отправятся в путь французские граждане, которые хотят вернуться? Электровозы и они поедут одновременно. Навстречу друг другу. Другого решения я не вижу.

На этот раз привычных ответов и заученных слов не последовало. А через несколько дней Лобановы получили официальное уведомление, что их

просьба на выезд наконец рассмотрена и решена положительно. И даже указана дата, не позднее которой они должны покинуть страну.

Последняя запись, сделанная Н.Д. Лобановым-Ростовским в своем «Дневнике» в Болгарии:

«8.VIII.1953 г. В конце концов, наша долгая и заветная мечта сбылась. Две недели тому назад нам дали разрешение на отъезд. Сколько лет мы ждали этого дня! Но пока я в этом еще не уверен. Вот когда перепрыгнем границу, то можно будет сказать — да, мы уехали. А то до этого еще могут и посадить. Сейчас я весь день бегаю и занимаюсь документами и вещами, связанными с отъездом. Мы думаем тронуться 29 августа, т.е. через 20 дней.

Этот срок на первый взгляд большой, но дни молниеносно несутся. “Дневник” думаю отправить дипломатическим курьером. Сегодня на поле нашел подпольную листовку».

Дни, остававшиеся до отъезда, прошли в суматохе и спешке. Они понимали, что уезжают из этой страны навсегда, но никак не могли до конца в это поверить. Слишком долго надеялись, слишком долго ждали.

Те же, кого покидали они, понимали, что это бесповоротно. Поэтому Любомир и Платон, участвуя во всех предотъездных хлопотах, и, разделяя их радость, несли на душе камень. Как-то так получилось, что Никита настолько вошел в их жизнь, что трудно было представить, как будут они без него.

Но, главное, был еще один человек, который, наверное, тоже не мог бы представить себе, как будет он без него, без Никиты. Никита об этом знал. Он не мог не сказать ей, что уезжает и навсегда. Но и сказать было выше его сил. Он собирался с духом несколько раз и всякий раз у него перехватывало горло.

— Что с тобой? — смеялась Лили, — ты какой-то на себя непохожий сегодня. — И ласково гладила его по голове.

Он только вымученно улыбался ей.

Лили Асенова (в замуж. Атанасова) — подруга Никиты. Софии, 1952 г. (ум. в 2001 г.)

Никита и Лили. По дороге на пляж. Варна, 1952 г.

Ей стало известно обо всем без него. И тогда она просто не пришла на встречу с ним.

Напрасно по пять раз на день он подходил к скверику, находившемуся прямо перед ее домом и насвистывал мелодию Энеску²⁵, которая всегда была их паролем. Она не выходила и не появлялась ни в окнах, ни на балконе.

Она поняла все и избавила его и себя от мучительной сцены и бесполезных слов. Избавила его от лжи, которую он был готов говорить ей, не зная еще и сам, что все, что мог бы сказать ей тогда будет ложь.

Уже на платформе до последней секунды он будет глазами искать ее среди провожающих. Но не найдет. Зато он увидит там несколько девичьих лиц — мимолетных, случайных своих пассий. Из числа тех безотказных, о которых на другой день можно так весело было победно рассказывать друзьям.

Сейчас, выглядывая из окна вагона, он не был уверен даже, что помнит их имена. Зачем заявилились они? Он их не звал.

Она не пришла.

А, может быть, и пришла, — говорил он себе, — но стояла одна, в отдалении, так, чтобы он не мог заметить ее.

²⁵ *Джордже Энеску (George Enescu) (1881–1955) — румынский композитор, скрипач, дирижер.*

По прошествии лет, потом, давно уже живя на Западе, он узнает, что она вышла замуж. Для него это не было ударом.

И правда, все прошло, все забыто. Почему же тогда так больно?

И еще один раз весть о ней достигнет его. Он узнает случайно, что она где-то в Париже. Не одна, с мужем. Всего на пару недель. И тогда он оставит все свои такие важные и не терпящие отлагательства дела и бросится по ее следам.

Но прошлое не возвращается. Она, как женщина, понимала это уже тогда.

Пришло время, когда понял это и он. Князю было тогда уже лет шестьдесят и он приехал в Софию на какой-то очередной конгресс. Он вышел из гостиницы «Болгария», где останавливался обычно, когда какая-то незнакомая, немолодая женщина окликнула вдруг его:

— Никита, ты?

Он тут же придал лицу то выражение, которое носит всегда на людях.

— Простите, а кто вы?

— Ты что, не узнал меня?

— Ну как же. Конечно, — светским голосом подхватил он. — Мы с вами встречались. Напомните только.

Она повернулась и пошла прочь. Она уже завернула за угол и растворилась в толпе, когда до него дошло. Но он не попытался ее догнать. Прошлое вернуться не может — это он понял тоже.

Среди провожавших был почти весь его класс. И те, с кем был он дружен, и те, с кем не очень. Платон, Свет Петрусенко и Левчев, само собой. Любомир гордился очень, что накануне до поздней ночи писал кистью на их багаже парижский адрес и в который раз издали показывал Никите свои измазанные краской руки.

Само собой, здесь были и старые их друзья Ратиевы, всей семьей, Ксения Васильевна Охотина и няня Елена Ивановна с дочерьми. Ирина Васильевна накануне специально пришла попрощаться с ними.

Два английских курьера, оказавшиеся попутчиками их по купе, не понимали, что происходит. Почему столько людей пришли провожать. Если люди куда-то и едут — разве это событие?

Знаменитый «Восточный экспресс» Стамбул–Париж стоял в Софии всего пятнадцать минут. Времени ровно столько, чтобы погрузить вещи, войти в вагон и крикнуть в окно провожающим торопливые, последние слова.

Когда прозвучал последний звонок, и поезд непривычно мягко и медленно как бы поплыл прочь, над платформой слышно было одно:

— Не забывайте! Не забывайте!

Не «пишите!» и не «до встречи!». Писать за границу или получать письма оттуда — дело рискованное. А уж о том, чтобы когда-нибудь встретиться, и речи быть не могло. Вот почему единственные слова, которые могли позволить они себе было это:

— Не забывайте! Не забывайте!

Предупреждения автора Александра Горбовского

До того, как Александр Александрович начал книгу обо мне, он предупредил меня, что публикация книги вполне может оказаться для меня «минным полем». Увы, Горбовский скоропостижно скончался, написав единственную первую главу «Детство Никиты».

А. Горбовский
8A Acklington Drive
Colindale
London, NW9 5WL

N.D. LOBANOV
26 Kildare Terrace
London W2 5LX

22.05.2002

Уважаемый Никита Дмитриевич!

Пойти на риск и выставить персонаж этот на всеобщее обозрение в том виде, в котором он предстает сегодня, значило бы опрометчиво сделать из него объект публичного поругания и хулы. Не буду приводить наиболее очевидных нелестных комментариев, которых следовало бы ожидать, ограничусь наиболее безобидным: “Если такова была российская аристократия, то правильно сделала революция, очистив Россию от таких людей”.

Подчеркиваю: это не мои слова, это та ситуация, в которой Вы можете оказаться. Мне меньше всего хотелось бы быть тем человеком, который содействовал этому.

Даже если представить себе, чтобы я стал сегодня припудривать и позолачивать этот имидж, фальшь оказалась бы слишком явной и только поставила бы в ложное положение, как Вас, так и меня.

Кроме этого, существует еще один немаловажный момент. Не знаю, почувствовали Вы это уже или нет, но любование остатками старой

русской аристократии, модное какое-то время назад, уже отошло в прошлое. Поскольку все эти люди живут на Западе, и возвращаться на любимую родину, естественно, не собираются, то часть антизападных настроений, которые захлестнули Россию, приходится теперь и на их долю. Последняя капля — обращение российского дворянства в Страсбургский Трибунал с требованием о реституции. Как относятся к этой перспективе «простые русские люди» нетрудно себе представить. Я, пусть бегло, но осведомлен о некоторых акциях, которые по этому поводу следует ожидать там.

Для общественного раздражения мало надо. <...>

Конечно, каждому кажется, что его неповторимая личность и все, что происходило с ним в жизни, интересно всем. Это то простительное заблуждение, в которое мы с Вами никак не должны впадать. Поверьте, держать интерес читателя к Вам и тому, что происходило с Вами, чрезвычайно трудно. Не столько потому, что Вы сами по себе были бы так уж недостойны потенциального читательского интереса, сколько из-за бешеной конкуренции множества других публикаций. Публикаций о ярких и известных исторических деятелях России, о личностях, оставивших заметный след, в русской истории. Я не говорю уже о других изданиях, — к примеру, детективах, заполняющих планы издательств и книжные магазинные полки. Угодно или нет, но это все то, с чем приходится конкурировать книге о Н.Д. Лобанове. <...>

Если говорить о написанной части, то, как Вы понимаете, я сделал все, что было возможно. Вот почему, всякое «раздувание» объема, вздумай я это делать, превратило бы текст в тягомотину, не нужную ни мне, ни Вам.

В этой связи меня беспокоит куда больше следующий раздел — об Оксфорде, который динамичным сделать весьма трудно и никак нельзя допустить, чтобы это стало бы чем-то вроде путеводителя «по интересным

местам» на фоне малоинтересного (для рядового интеллигентного читателя, а значит и для издателя) бытия некоего господина. Это, действительно, для меня головная боль.

Впрочем, обо всем этом, как и о заглавиях, мы будем иметь возможность поговорить, когда я буду иметь удовольствие посетить Вас.

<...>

В остальном, как кончал свои письма Император Павел, «остаюсь благосклонным к Вам»,

Ваш А.Г.